

КОЛПАШЕВО: СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

Костяк этих свидетельств составили материалы уголовного дела № 49. Его первый том – материалы прокурорской проверки (сердечное спасибо сопредседателю томского общества «Мемориал» Вильгельму Генриховичу Фасту, благодаря которому еще осенью 1990 г. удалось ознакомиться с немалой частью ее результатов!). А со второго тома начинается собственно уголовное дело, эти показания особенно ценны.

*Для непосвященных, кого судьба избавила от столкновения лоб в лоб с правоохранительной нашей системой, поясню: при прокурорской проверке **отбираются объяснения**; когда же заведено уголовное дело, то начинает работать машина принудительного дознания, свидетель **допрашивается**, ложь становится уголовно наказуемой (ст. 181, 182 УК РСФСР). И такую ложь вы встретите в показаниях разного калибра лигачевых. Встретите и другое: сознательный следовательский недогляд, несомненный результат давления из партийных сфер, и нежелание уличать в очевидной лжи начальствующих мародеров.*

Для полноты картины материалы уголовного дела дополнены документальными свидетельствами другого рода – составленными из оставшихся на видеокассетах или магнитофонной ленте записей, а также выдержек из газетных публикаций.

Что ж, всей правды добиться пока не удалось, но результаты немалые. Допрошен т. Лигачев, допрошены люди из КГБ. Да и чекистские архивы приоткрылись...

Владимир Запецкий, август 1991 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Постановление о возбуждении уголовного дела

Прокурор следственного управления Прокуратуры РСФСР Баграева, изучив материалы проверки по факту обнаружения захоронения на берегу реки Обь, установил:

Как следует из материалов проверки, указание об утоплении трупов было дано начальником районного КГБ Копейко. Последний отрицает это. Необходимо следственным путем установить лиц, давших указание об утоплении трупов. В случае противоречий провести очные ставки, опознания, выполнить другие следственные действия, необходимость в которых возникнет. На основании изложенного, руководствуясь статьями 211, 116 УПК РСФСР постановил отменить постановление старшего следователя прокуратуры томской области Ермолаева об отказе в возбуждении уголовного дела 04.07.89.

По факту обнаружения 01.05.79 трупов в г. Колпашево Томской области возбудить уголовное дело, расследование которого поручить Прокуратуре Новосибирской области.

Прокурор следственного управления Л. А. Баграева

(из материалов уголовного дела № 49, том 2, листы дела 2–3)

ПЕРВОМАЙСКИЕ ПРАЗДНЕНСТВА 1979-го ГОДА...

КОЛЕСНИКОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ, 1949 г. р., житель Колпашева, на его глазах и произошел обвал берега весной 1979 г., когда открылась первая из могил, где в основном были уже истлевшие останки:

«Вода подмывала яр снизу, берег осел метра на три, получился уступ. Как выглядела сама могила? Сверху метр земли, а дальше шли трупы в куче — шириной метров пять. Глубину не понять, может туда еще ниже было, ниже уступа... Был слой как бы известки, слой трупов, снова слой извести... Мы сами разбирали их и вытаскивали. Интересно же было — откуда это люди-то. Черепа рассматривали, в черепах дырочки были сзади, во всех черепах без исключения... Один труп мы вытащили. Кожа на нем сохранилась и чирки, сапоги. Еще пытались вытащить ногу оттуда... Запаха не было никакого. Они были как бы сплюснены, толщина грудной клетки сантиметров десять, а черепа все целы были... Мы же не знали, откуда эти дырки. Один из черепов разобрали, а там две пульки, сплюсненные, как в мелкокалиберной винтовке. Сукровица там еще была в мозгу...»

(видеозапись)

МАКОЕД ЛИЛИЯ АНДРЕЕВНА, колпашевка, проживает рядом с обнаруженным захоронением по ул. Дзержинского, 17 (когда-то в этом доме жили сотрудники НКВД):

«Я поглядела в окно, что-то люди столпились около яра, я тогда вышла, а там внизу был Колесников Володя. Он около яра собирал пульки, тут же стоял его отец. Володя поднялся и говорит: „Ты посмотри, папа, люди были стреляны в затылок“. Даже в маленьких головках тоже были пульки. Он набрал пулек и показывает в ладошке... Были маленькие, детские головки и валеночки небольшие — ребенку, может, три-четыре года...»

(видеозапись)

ЧЕРНОВ АЛЕКСЕЙ, также живет по соседству с захоронением:

«Я позвонил в милицию, но в первый раз не приехали. Не поверили, что ли? Приехали на следующий день, когда я позвонил во второй раз...»

(видеозапись)

В. А. КОЛЕСНИКОВ: «Три дня этой ямой никто не интересовался. Там весь город побывал. Представляешь: такое увидеть... Уже на следующий день, как обвалилось, „Голос Америки“ сообщил что в городе Колпашё-во — так сказали — обнаружено захоронение жертв репрессий, а здесь еще три дня — хоть бы что... Когда мы труп достали, там один был с фотоаппаратом, он фотографировал».

(видеозапись)

А. ЧЕРНОВ: «У меня было три фотографии, которые я сделал на берегу. На одной был труп мужчины без ноги. Ребята вытащили из могилы. Нахлобучили на голову ушанку и лопату рядом положили — для потехи... К сожалению, фотографии не сохранились. Жена нашла, испугалась, что у меня неприятности

от КГБ могут быть, и выбросила».

(видеозапись)

КАРПОВ ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ, 1940 г. р., член КПСС, образование высшее, заместитель начальника отдела колпашевского ГОВД:

«Утром дежурный сообщил, что в районе старой милиции, то есть где было старое здание НКВД, обнаружен труп. На место происшествия выезжал замначальника ГОВД Вальтер Э. А. По прибытии было сообщено в отделение КГБ по Колпашевскому району и доложено в ГК партии».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 140–141)

ПАНФИЛОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, 1948 г. р., беспартийный, образование высшее педагогическое, учитель:

«С 1973 года по 1983 год я... проходил службу в колпашевском ГОВД в качестве эксперта-криминалиста. 1 мая 1979 года мы вместе с Вальтером Эрнстом Альбертовичем находились за городом. По радиостанции нам сообщили, что на берегу реки Оби кто-то из горожан обнаружил два трупа. Это сообщение нам передал дежурный по отделу. Вальтер Э. А. является заместителем начальника колпашевского ГОВД. Вместе с ним мы прибыли к месту обнаружения трупов. Это место находилось в конце улицы Ленина, на самом берегу реки. Со слов старожилов, мы знали, что на этом месте находилась внутренняя тюрьма НКВД. В 1953 году она была стерта с лица земли, и на этом месте был пустырь. Мы подошли к самому берегу реки и на уступах обвалившейся земли увидели два трупа. Берег в этом месте был очень высокий, метров около восьми, и крутой, спуститься к трупам я не рискнул, можно было сорваться в воду. Я рассматривал их сверху. Трупы находились метрах в двух от моих ног. Это были трупы двух мужчин, одетые в холщевое белье, рубаху и кальсоны».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 20–22)

ВАЛЬТЕР ЭРНЕСТ АЛЬБЕРТОВИЧ, 1941 г. р., член КПСС, род. в Житомирской обл., образование высшее юридическое, заместитель начальника Колпашевского ГОВД:

«В г. Колпашеве я проживаю с 1976 года, августа месяца, с момента назначения на должность замначальника Колпашевского ГОВД. В этой должности работаю по настоящее время. В 1979 году, 9 мая (очевидная ошибка. – прим. В. З.), дежурный по ГОВД доложил мне, что у обрыва реки Обь, в районе, где раньше стояло здание бывшего райотдела милиции обнаружено два трупа. Я выехал на место происшествия, где было установлено, что это останки трупов. Они были плоские, толщиной примерно 5–8 сантиметров, с признаками одежды (истлевшие остатки)».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 146)

Н. В. ПАНФИЛОВ: «Вальтер Э. А. попросил сфотографировать это место и трупы. Я сделал два-три снимка. После этого он по радиостанции передал дежурному по ГОВД, чтобы тот немедленно сообщил об обнаружении трупов сотрудникам отделения КГБ. Каких-либо следственных действий ни сотрудники нашего отдела, ни колпашевской прокуратуры не проводили. С Вальтером с этого места после разговора с дежурным по радиостанции сразу же уехали. Проявленный негатив и отпечатанные снимки с этого места я передал сотрудникам КГБ. Начальником отделения в то время был Копейко В. Н.,

старшим оперуполномоченным — Мельник Николай Емельянович. Кому из них конкретно я передал эти снимки, не помню».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 20–22)

КОПЕЙКО ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ, 1939 г. р., с. Батурино, Асиновский район Томской области, член КПСС, образование высшее, в настоящее время — пенсионер:

«Как я уже давал показания, 1 мая 1979 года на берегу реки выше речного вокзала <были> обнаружены какие-то человеческие останки. Я выехал на это место. Я увидел, что часть берега осела, из грунта был виден человеческий скелет. Там собралось народа человек двадцать, которые между собой вели разговор, что здесь находятся расстрелянные в 1937 году. Я вернулся в отделение и по обычной связи сообщил начальнику Управления КГБ по Томской области Иванову Киму Михайловичу. Одновременно я поставил в известность бывшего первого секретаря Шутова Виктора Николаевича, председателя горисполкома Молькина Василия Гергиевича. От начальника управления УКГБ получил указание держать под контролем обстановку в данном районе...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 65–67)

Л. А. МАКОЕД: «На первый раз санэпидемстанция приезжала, облили карболкой это место...»

(видеозапись)

ПУГАЧЕВ ЛЕОНИД СЕМЕНОВИЧ, житель Колпашева:

«В 1979 году я работал главным инженером Нарымской государственной селекционной станции и поэтому мне приходилось в город Колпашево ежедневно ездить по служебным делам. Ездил я мимо места, которое называлось „старая милиция“. В тридцатых годах там было НКВД, потом милиция, милицию эту убрали, но место так и называлось — старая милиция. И — не помню какого это было числа, третьего мая? или второго мая? — поехали мы вместе с прорабом в город Колпашево. Смотрим: на берегу стоит народ. Часть народа подходит, часть отходит. Мы думали, что там что-то случилось: ну, берег обвалился или что-то еще. Когда мы спросили, нам сказали: там старое захоронение. Но мы так и не решились подойти. Почему не решились подойти? Потому что приятель мой, прораб, Отмахов, он мне несколько раз рассказывал, что отец его сидел в тридцать седьмом в этой милиции, а потом исчез. Поэтому как-то было мне неприятно сказать: пойдём, посмотрим... Ну, поехали в город по своим делам. В городе нам сказали: такой слух ходит, что там трупы, неразложившиеся трупы, женщины встречаются, есть черепа простреленные, с дырками. Когда мы сделали свое дело — я не помню сколько это время было, после обеда или до обеда — мы поехали, так сказать, по старому пути. Подошли к этому обрыву. Здесь стояли люди, стоял какой-то человек — я понял, что не наш. Он был одет в длинное черное пальто, на голове — шляпа. У него был, по-моему, план. Он ходил и что-то мерил ногами. Но то что нам говорили, что там были трупы, черепа, то их не оказалось. По-видимому, их сбросили в воду, так мы решили. Значит, берег был обваленный, а на откосах, на уступах лежали вещи из могилы. Здесь же были два или три солдата, которые, стояли на этом уступе и закапывали эти могилы. Из могил доносился трупный запах...»

(видеозапись)

Л. А. МАКОЕД: «Одна женщина опознала вязку носков, она мужу вязала носки с конским волосом. Многие плакали, говорили, что свозили сюда народ со всего Нарыма, сюда свезут, а дальше куда — никто не знал... Были трупы не только мужские, но и женские... можно было родным опознать, только что сплюснутые».

(видеозапись)

ВРАЧ КОМАРОВА, ДОЧЬ ГАВРИИЛА ПЕРЕВОЗНИКОВА

ЛЕПЕШКИН АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ, 1935 г. р., беспартийный, образование высшее юридическое, юрисконсульт управления сбербанком, в 1979 году — начальник колпашевского ГОВД:

«Как я уже показал в своем объяснении, ко мне обратилась женщина. Говорила, что ее отец расстрелян в 1937 или 1938 году. Я точно год уже не помню, который она называла. Я пригласил Копейко, и вместе с ним успокаивали ее...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 58–59)

КОМАРОВА ГАЛИНА ГАВРИЛОВНА, 1929 г. р., врач:

«Мои родители приехали в Колпашево в 30–32 году. Мама — Перевозникова — Агрипина Арофимовна. Папа — Перевозников Гавриил Иванович, 1987 г. р. Папа работал плотником. Он не мог даже расписаться из-за неграмотности. 13 августа 1937 года он был арестован. Мы ходили к зданию НКВД, но отца не видели. Более никаких сведений об отце не было... далее дело пересматривалось военным трибуналом в августе 1960 года... реабилитирован посмертно. Дата смерти, место смерти не были указаны. Причина смерти — кровоизлияние в мозг... Когда папу арестовали, то начальником НКВД в Колпашеве был Мартон».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 138–139)

КОПЕЙКО ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ, бывший начальник горотдела КГБ:

«В ГОВД обратилась Комарова (врач тубдиспансера) узнать об отце. Я ее успокоил, что скорее всего не здесь...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 49–53)

ДЕЗЕРТИРЫ (ложь первая)

ШУТОВ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ, 1937 г. р., с. Крыловка, Бокчарского района, Томской области, член КПСС, образование высшее, начальник Томлеспрома, в 1979 г. — первый секретарь колпашевского горкома партии:

«...из области прилетел начальник Управления КГБ по Томской области Иванов К. М. и секретарь областного комитета партии Бортников А. И. От них я получил такую информацию, что обнаружено захоронение расстрелянных в годы

войны дезертиров. Был созван в городе партийно-хозяйственный актив, где всем присутствующим на этом активе была изложена эта информация. Вся операция по ликвидации этого захоронения прошла под руководством и... силами работников КГБ... Я поясняю, что в начале мая я должен был пойти в отпуск, меня задержали в связи с этим обнаруженным захоронением. В отпуск я пошел 17 мая. В этот период, со 2 по 17 приезжал в Колпашево генерал КГБ из Москвы. В разговоре с ним я понял, что из Москвы. Он спрашивал, какую работу провели среди населения. Обстановка в г. Колпашево была спокойная, никакой реакции со стороны населения не было».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 55)

Л. С. ПУГАЧЕВ: «Ну, по городу стали ходить слухи, что это могила тридцать седьмого года. Нас собрал секретарь горкома партии города Колпашева Виктор Николаевич Шутов, собрал расширенный актив в горкоме партии и сказал: товарищи, так и так, да, действительно, ходят разговоры, что вскрытая могила — 1937-го года... Он говорит: только эта могила не 37-го года, а времен войны, это были расстрелянные дезертиры войны. Наводящих вопросов не задавали, потому что люди уже знали, что там видели женщин, видели кое-что. Поэтому наводящих вопросов как-то тогда не задавали...»

(видеозапись)

А. ЧЕРНОВ: «Там, на берегу я видел труп ребенка лет девяти с прострелянным затылком. Грудная клетка — ну, так... сантиметров пятнадцать в ширину».

(видеозапись)

БЕЛЯГИНА АННА АЛЕКСАНДРОВНА, 1910 г. р., род. в Колпашево, член КПСС с 1931 года, 5 классов образования, пенсионерка:

«Дополняю: после того, как было обнаружено захоронение трупов, нас, ветеранов партии и труда собрали в горкоме КПСС. Первый секретарь Шутов сказал нам, что в этом захоронении расстрелянные в годы войны дезертиры. Он говорил, что так нужно разъяснить народу. Я ему возразила, что это неправда. Я помню, что дезертиров во время войны судили публично, о том, чтобы кого-то расстреляли, никаких разговоров не было. Направляли (штрафников-дезертиров) в штрафные роты».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 39–40)

ЖДАНОВА АЛЕКСАНДРА АФАНАСЬЕВНА, 1918 г. р., род. в Колпашево, член КПСС, образование неполное высшее:

«В годы Великой Отечественной войны я работала в горкоме партии помощником секретаря. О том, что в годы войны в Колпашево были дезертиры, я не слышала. Если бы кого дезертиров расстреляли, то были бы разговоры. В те годы расстрел дезертира носил воспитательный характер, это все афишировалось. Дезертиров направляли в штрафные роты. Я еще разъясняю, что о расстрелах дезертиров в г. Колпашево я не слышала».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 75–76)

ЗЮЗЬКОВ МИХАИЛ ТИТОВИЧ, 1914 г. р., род. в с. Вознесенка Шегарского района, член КПСС, образование среднее:

«С февраля 1939 года я был секретарем горотдела НКВД в с. Шегарка. С 1940 года был оперуполномоченным, в декабре 1941 года меня перевели в г. Колпашево в окружной отдел НКВД. Я работал в отделении по борьбе с бандитизмом. Начальником отделения являлся Дунайский Викентий (отчества не помню). Он работал <позже> в Новосибирске начальником Управления НКВД, где он сейчас, я не знаю... Я и другие в отделении занимались дезертирами, теми, кто дезертировал из армии, и теми, кто уклонялся от службы в армии. Эти люди не только не хотели служить в армии, они и совершали преступления. Те, кто был арестован, в период расследования уголовного дела содержались во внутренней тюрьме. Когда дело направлялось в суд, то арестованных переводили в колпашев<скую> тюрьму. Я не знаю, проводился ли во внутренней тюрьме расстрел тех, кто был приговорен к смертной казни. Считаю, что во время моей работы в Колпашево этого не было. Примерно в 1944 году за убийство и изнасилование был мужчина осужден к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение в Колпашево, мужчину расстреляли где-то за городом, где его хоронили — не знаю. Мне известно из печати об обрушении берега в г. Колпашево в 1979 году и обнаружении захоронения. До этого я не знал, что на берегу были захоронения людей. Если бы имело место исполнение приговора в отношении приговоренных к смертной казни во внутренней тюрьме в г. Колпашево в начале сороковых годов, то я, полагаю, знал бы об этом. Считаю, что обнаруженное захоронение относится (или мо<жет> относиться) к тридцатым годам».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 105–106)

Л. С. ПУГАЧЕВ: «Я хотел сказать: „Виктор Николаевич, потом вам не стыдно будет за то, что вы выразили вот от себя лично или кто вам это сказал, значит, такому широкому активу?“. Но то время совсем другое было, время другое... и поэтому такие вопросы тогда не задавались...»

(видеозапись)

ОШИБКА СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРОКУРАТУРЫ МОСКВИЧЕВОЙ

МОСКВИЧЕВА НИНА ПЕТРОВНА, 1948 г. р., следователь колпашевской горпрокуратуры, член КПСС, образование высшее:

«В Колпашевской горпрокуратуре я работала с января 1979 года. Весной 1979 года в начале мая месяца (число точно не помню) я в числе оперативной группы выезжала по сообщению об обнаружении трупа в районе речпорта, но точно указать, куда именно в тот раз выезжала с оперативной группой, не могу, так как к тому времени проработала в Колпашево и ориентировалась на местности недостаточно хорошо. С того времени прошло более десяти лет, многое забылось, и назвать конкретно, кто был в той оперативной группе, я не могу. Помню только, что с нами был судмедэксперт Ушаков. Труп был обнаружен среди кустов тальника. К тому времени еще не закончился паводок на реке Обь, и было ясно, что труп прибило в кусты тальника течением...»

(из материалов уголовного дела 49, т. 2, листы 135–136)

УШАКОВ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ, 1940 г. р., судмедэксперт, беспартийный, образование высшее, с 1969 года работает в колпашевском отделении бюро судебно-медицинской экспертизы:

«Когда мы стали подходить к трупу, то я провалился по пояс, до трупа не дошел, а сел в машину. На месте обнаружения я труп не осматривал...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 143)

Н. П. МОСКВИЧЕВА: «После составления протокола осмотра места происшествия труп был доставлен в морг города Колпашева. При первоначальном осмотре на месте обнаружения по внешнему виду установить, принадлежал ли труп мужчине или женщине, было невозможно. Ткани трупа на вид были заизвестковавшиеся, череп сдавлен, на шее трупа было вафельное светлое полотенце, свернутое валиком, завязанное на узел. На трупе были также остатки одежды: кальсоны, рубашка светлой ткани. Ранее мне таких трупов видеть не приходилось. О существовании захоронения на берегу реки Обь мне к тому времени не было известно, а по состоянию трупа можно было сказать, что смерть его наступила давно. Более тщательно труп на месте мы осматривать не стали, так как уже смеркалось, поэтому сказать, были ли на трупе следы, похожие на огнестрельные ранения, я не могу. Мной было вынесено постановление о направлении трупа на судебно-медицинское исследование».

(из материалов уголовного дела 49, т. 2, листы 135–136)

М. А. УШАКОВ: «В морге труп положили на секционный стол, и до вскрытия я его не стал осматривать. Могу сказать только о трупе, что он был, вернее, что кожный покров у него был коричневого цвета. Труп был как бы мумифицированным. На нем были одеты кальсоны, куртка. Цвет одежды не помню. На внешний вид одежда была не истлевшей. О давности наступления и причине смерти я сказать не могу, так как труп не вскрывал».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 143)

Н. П. МОСКВИЧЕВА: «На следующий день я доложила прокурору города товарищу Вострову Геннадию Николаевичу об обнаружении этого трупа. В тот же день стало известно о вскрывшемся захоронении на берегу реки Обь».

(из материалов уголовного дела 49, т. 2, листы 135–136)

ВОСТРОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ, 1934 г. р., председатель Парабельского народного суда, член КПСС, образование высшее:

«С 1979 года я работал в должности Колпашевского городского прокурора. 2 мая 1979 года из дежурной части Колпашевского ГОВД сообщили об обнаружении трупа мужчины с огнестрельным ранением в области головы. Дежурным следователям прокуратуры был Жвакин Е. Л., которого ныне уже нет в живых. Вместе с Жвакиным Е. Л. я осмотрел труп, который находился уже в морге. При осмотре присутствовал также медэксперт Козик (или Ушаков — сейчас уже на помню)».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 128–130)

ВОПРОС СЛЕДОВАТЕЛЯ: «Свидетель Ушаков сообщил», что в мае 1979 года был доставлен в морг труп коричневого цвета, туловище трупа было

несколько сдавлено. Вы <же> говорили в своем объяснении от 12 мая 1989 года о трупе с кожей белого цвета. Объясните противоречие».

КОЗИК, судмедэксперт: «Полагаю, что мы говорили с Ушаковым об одном трупе человека. Я не заметил, был ли труп сдавлен. Считаю, что труп мог изменить цвет после того, как побывал в воде. Если кожа была коричневого цвета, как говорит Ушаков, то после пребывания в воде, цвет кожи мог стать светлее».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 151–153)

Г. Н. ВОСТРОВ: «При осмотре трупа было установлено, что в затылке имелось пулевое отверстие. Жвакин Е. Л. определил, что убитый был застрелен из револьвера системы „наган“. Труп мужчины был одет в нижнее белье, рубашку с косым воротником и холщевые штаны. Труп был сдавленный, плоский, как будто подвергался большому давлению. К тому же он был совершенно высохший, мумифицированный».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 128–130)

Г. Н. ВОСТРОВ: «Об обнаружении трупа был поставлен в известность первый секретарь ГК КПСС Шутов В. Н., по телефону я сообщил и прокурору области Князеву А. И. Утром следующего дня я и начальник ГОВД товарищ Лепешкин были приглашены к первому секретарю горкома. В кабинете Шутова В. Н. находились еще несколько человек. Среди них был уполномоченный КГБ по колпашевскому району Копейко, начальник КГБ Иванов, которого я знал... Во время беседы в кабинете первого секретаря нам тов. Шутовым было сказано, что обнаружены трупы дезертиров, поэтому никаких проверок ни прокуратура, ни милиция проводить не должны. Вопрос находится в компетенции КГБ, поэтому **мы не должны вмешиваться. Наша задача – обеспечить поддержание общественного порядка** (здесь и далее везде выделения мои. – прим. В. З.) Нам так прямо и было сказано, что если жители Колпашева будут спрашивать, то отвечать, что это трупы расстрелянных дезертиров. О том, кому в действительности могут принадлежать трупы, речи не шло. Аналогичного содержания указания по телефону мне дал и прокурор области».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 67–68)

М. А. УШАКОВ: «На следующий день после доставки трупа в морг я хотел вскрыть его. Следователем прокуратуры Москвичевой было вынесено постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы. Но когда я пришел в морг, то трупа на секционном столе уже не было. Кто дал указание убрать труп и куда он делся, я не знаю. В то время, кроме меня, еще экспертом работал Козик В. М. Труп могли забрать и без ведома экспертов. Кто это сделал, я не знаю. До обнаружения трупа я знал, что на берегу Оби при осыпании яра было обнаружено множество трупов, но обнаруженный труп мы к этим трупам не причислили, и поэтому выехали как обычно на любой труп».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 143)

Н. П. МОСКВИЧЕВА: «Мне прокурор сказал, чтобы материалом об обнаружении трупа в районе речпорта я не занималась, что этим будут заниматься работники КГБ. Я точно <не помню,> куда отдала протокол осмотра места происшествия и постановление о назначении экспертизы. Возможно, я

отдала их в КГБ. Может быть, впоследствии уничтожили вместе с архивом прокуратуры, который по инструкции периодически уничтожается. Что потом произошло с тем трупом, который мы доставили в морг с реки, я не знаю. Вспоминается, что в то время были разговоры, что его увезли куда-то на машине и перезахоронили».

(из материалов уголовного дела 49, т. 2, листы 135–136)

Г. Н. ВОСТРОВ: «Труп мужчины, который был доставлен в морг 2 мая 1979 года был увезен без вскрытия оперуполномоченным КГБ тов. Копейко».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 67–68)

ВОПРОС СЛЕДОВАТЕЛЯ: «Скажите, кто давал указание забрать из морга труп и не производить судебно-медицинского исследования?»

В. Н. КОПЕЙКО: «Я лично после разговора с Ушаковым никому из своих сотрудников указаний не давал. Я заявляю, что лично сам ни одного трупа не видел. Я очень брезгливый...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 65–67)

ЛЮДИ ИЗ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ, МАЙ 1979-го

СТАРКОВ ВАЛЕРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ, беспартийный, образование неполное среднее, экспедитор гормолзавода:

«В колпашевском отделении КГБ я работал водителем с 1974 года по 1986 год... В то время начальником работал Копейко В. Н. Кроме него, еще в отделении работал старший оперуполномоченный Мельник Н. Е.»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 97–100)

КОПЕЙКО ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ, пенсионер:

«...с 1968 года по 1982 год я работал в должности старшего оперуполномоченного и начальника отделения УКГБ СССР по Томской области. Я заявляю, что до 1 мая 1979 года мне ничего не было известно о захоронении на берегу реки Обь, так как никаких документов в отделении не было. Меня в Управлении никто из руководства <не ставил в известность> о наличии захоронения на территории бывшего горотдела милиции, однако среди населения были разговоры о том, что в г. Колпашево производились расстрелы в 1937 году. Это были разговоры, где конкретно расстреливали, я не выяснял. У нас в комитете заведен порядок не задавать лишних вопросов и не интересоваться, что не касается по службе, не проявлять любопытства, поэтому я таких вопросов не задавал своему начальнику отделения Петроченко Николаю Ивановичу, который работал с 1968 года по <1982> год. 2 мая 1979 года в г. Колпашево прилетел заместитель начальника УКГБ Татаркин Никита Алексеевич. Они ознакомились на месте с обстановкой (я поясню: он еще был с кем-то из сотрудников), полученной от меня информацией».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 65–67)

САВИН ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ, 1940 г. р., родился в Томске, образование высшее, член КПСС, Управление КГБ СССР по Томской области, начальник томского райотделения:

«1 или 2 мая, точно не помню, меня вызвал начальник УКГБ Иванов К. М. и сказал, что я должен ехать вместе с замначальника УКГБ Татаркиным Н. А. в Колпашево. 2 мая мы вылетели. В аэропорту нас встретил начальник колпашевского городского отдела УКГБ Копейко В. Н. Из аэропорта мы сразу поехали на берег Оби (и как впоследствии я понял, на место, где ранее располагался окружной отдел НКВД с внутренней тюрьмой). Берег Оби представлял из себя крутой яр, высота яра примерно 10–12 метров. На реке был вспучившийся лед, вода заметно прибывала. Берег постепенно в некоторых местах рушился. Примерно в 30–40 метрах от большого тополя, не доходя до кромки берега примерно метр, был виден уступ небольшой. На этом уступе лежали кости... среди них виднелся череп человека».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 60–61)

МЕЛЬНИК НИКОЛАЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ, 1940 г. р., член КПСС, образование высшее, место работы – горотдел Томск-7 УКГБ по Томской области:

«В колпашевском горотделении УКГБ по Томской области я начал работать с марта 1978 года. О том, что в городе существовало <...> захоронение, вскрывшееся в мае 1979 года, мне ничего не было известно. Впервые я об этом узнал, возвратившись с охоты примерно 1–2 мая 1979 года, узнал об этом от начальника горотделения УКГБ по Томской области тов. Копейко В. Н., который рассказал, что прибыл замначальника УКГБ тов. Татаркин Н. А., прибывший в Колпашево в связи с обнаружением на берегу Оби останков трупа. На совещании Татаркиным была поставлена задача выяснения характера обнаруженного захоронения, так же выяснение старожилов, которые могли бы знать что-либо о данном захоронении...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 184)

П. П. САВИН: «6 мая я возвратился в Томск и доложил обстановку начальнику УКГБ. В связи <с праздником> 9 мая и для контроля обстановки на берегу 7 мая я снова вылетел в Колпашево. Находился там до 18 мая».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 160–161)

В. К. СТАРКОВ: «Через несколько дней из Томска прилетел начальник Управления КГБ по Томской области Иванов».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 97–100)

В. Н. КОПЕЙКО: «О ходе дальнейшей работы по месту захоронения принималось решение на уровне областных инстанций, а именно: областного комитета партии, облисполкома, областной прокуратуры и областного Управления КГБ».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 65–67)

Н. Е. МЕЛЬНИК: «...в разное время были в Колпашево начальник Управления КГБ по Томской области тов. Иванов, замначальника Татаркин Н. А., замначальника отдела Давыдов Д. П., его начальник Бусыгин Г. П., начальник отдела Петроченко Н. И., который и решал все вопросы, в том числе по

согласованию действий и материальному обеспечению с местными партийными и советскими органами, то есть первым секретарем колпашевского горкома партии Шутовым В. Н., председателем колпашевского горисполкома тов. Молькиным В. Г. Со слов Копейко мне известно, что в этот период в Колпашево приезжали работники обкома КПСС Бортников и Вологдин».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 184)

В. К. СТАРКОВ: «Был еще какой-то генерал-майор из КГБ СССР. Я его не встречал, когда он прилетел, в аэропорту. Видел его в отделении. Слышал от Копейко, что он из Москвы».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 97–100)

БУСЫГИН ГЕННАДИЙ ПЕТРОВИЧ, 1931 г. р., родился в Нижнем Тагиле, член КПСС, образование высшее, пенсионер:

«...до 1982 года я работал в Управлении КГБ по Томской области должности начальника отдела. До мая 1979 года я не знал о наличии какого-либо захоронения в г. Колпашево, <так как> по роду своей деятельности я не имел никакого отношения к архивным делам. Поскольку я имел отношение к вопросу предотвращения волнений, эпидемических вспышек, поэтому после обнаружения захоронения на берегу реки Обь в г. Колпашево я был туда командирован. Там я на месте захоронения не был, занимался выяснением обстановки, какова реакция населения, выяснял, возможно ли какие-либо эпидемии. Могу сказать, что в целом обстановка была **нормальной**».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 56–57)

ПЕТРОЧЕНКО НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ, 1933 г. р., род. в с. Молчаново Молчановского р-на Томской области, член КПСС, образование высшее, пенсионер:

«В мае 1979 года я работал начальником отдела УКГБ по Томской области. Мне стало известно о сообщении Копейко В. Н. об обнаружении в г. Колпашево захоронения. У нас решался вопрос о происхождении захоронения, размерах захоронения и способах ликвидации. Присутствовали при разговоре начальник УКГБ Иванов К. М. и прокурор области Князев А. И. Я понял с их слов, что эти вопросы оговорены в обкоме КПСС. Захоронение путем раскопок сверху убирать было невозможно, так как берег был высоким и крутым (под 90 градусов) и работать на берегу сверху было опасно. Другим вариантом было то, что раскоп производить с берега у воды... Остановились на третьем варианте — подмывать берег со стороны реки. Мне и было дано задание организовать работу. Когда я приехал в Томский речпорт, то понял, что начальник речпорта <Драчев> и его заместитель получили указание о выделении теплохода...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 163–165)

ОТ-2010
(Томск—Колпашево, первая половина мая 1979-го)

ЧЕРЕПАНОВ АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, 1955 г. р., род. в Пермской

обл., беспартийный, образование среднее, слесарь Моряковской РЭП:

«В навигацию 1979 года я работал на теплохода ОТ-2010 в должности старшего рулевого-моториста. В должности капитана был Черепанов В. П. В начале мая мы шли рейсом Томск – Каргасок...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 170)

ЧЕРЕПАНОВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА, родилась в Колпашеве, беспартийная, образование среднее специальное, работает в Моряковской РЭП:

«В мае 1979-го года мы должны были первым рейсом вести гравий в сторону Колпашева. Муж работал капитаном теплохода ОТ-2010, я – радистом. 10 мая мужа пригласили в партком томского речпорта и дали задание следовать в Колпашево, чтобы размыть обнажившееся захоронение. Мне об этом он сразу не сообщил».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 192–193)

ЧЕРЕПАНОВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ, 1939 г. р., член КПСС, образование высшее, женат, бывший капитан ОТ-2010:

«9 мая 1979 года в первой половине дня я был вызван в кабинет начальника томского речного порта Драчева, но его самого в кабинете не было. В кабинете находились **секретарь парторганизации** речпорта Иванов Виктор Алексеевич и еще два незнакомых мне товарища. Они оба мне представились, предъявили служебные удостоверения работников КГБ. Один был в звании полковника госбезопасности, звать его Николай Иванович, фамилию не помню (*речь идет о Н. И. Петроченко. – прим. В. З.*). Второй – ни фамилии, ни имени, ни отчества не помню – был в звании капитана. Этот капитан в то время курировал Моряковскую РЭП. Больше в кабинете никого не было. Работников КГБ интересовал вопрос техническ<их> возможност<ей> теплохода ОТ-2010, на котором я в то время работал. В частности, они интересовались возможностью размыва грунта. Они спрашивали меня, можно ли подмыть отвесный яр примерно такой, как в районе деревни <Иштан Нагорный>. Я им отвечал, что теплоход в таких целях не используется и не предназначен для этого. После этого мне полковник сказал, что этим способом им нужно убрать захоронение с Колпашевского яра. Он объяснил мне, что захоронение это было произведено в 1943 году во дворе тюрьмы или милиции, сейчас точно не помню. Хоронили в этом месте дезертиров и рецидивистов, расстрелянных на месте и так как не было людей, их там же и захоронили... Он же мне говорил, что думали привезти монитор из Кемерово, однако отказались от этого. Использовать технику на кромке яра высотой 25 метров было невозможно. Это мне объяснял полковник. Он говорил мне, что работы там немного, на одну ночь, теплоход не сломается. Они остановились на применении теплохода. Я спросил у Иванова, согласовано ли это с руководством. Он мне ответил, что этот вопрос согласован с руководством Западно-Сибирского речного пароходства, Иванов же мне сказал, что я поступаю в распоряжение этих работников КГБ. Я позвонил в г. Новосибирск начальнику службы движения пароходства Дуд<инцу> Владимиру Ивановичу. Он мне подтвердил то, что я поступаю в распоряжение работников госбезопасности. Письменного указания на этот счет не было. В вахтенном журнале была сделана запись о работе с КГБ».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 77–81)

Г. С. ЧЕРЕПАНОВА: «Вышли мы из Томска 10 мая. Кроме команды (человек 16–17) с нами ехали два работника КГБ, их я не знаю. 11 мая мы были в Колпашеве».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 192–193)

КОПЕЙКИН СТАНИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ, 1937 г. р., род. в Новосибирске, беспартийный, образование высшее, сменный капитан:

«В навигацию 79-го года я работал на теплоходе ОТ-2010 в должности первого штурмана. По следовании вниз **состава** в мае месяце...»

В. П. ЧЕРЕПАНОВ: «...вышли из Томска с четырьмя баржами, груженными гравием...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 77–81)

С. Н. КОПЕЙКИН: «...по следовании вниз **состава** в мае месяце, не заходя в Колпашево, меня вызвал капитан Черепанов Владимир Петрович и сказал, что в Колпашеве предстоит работа и необходимо, чтобы был готов к этой работе буксирный трос. Какая работа, он не объяснил. По прибытии в Колпашево мы поставили состав на якорь, а сами теплоходом подошли к пристани. Там к нам сели двое представителей (потом мы узнали, что это с КГБ), собрали всю команду и разъяснили нам, что необходимо размыть часть яра выше пассажирской пристани в связи с требованием СЭС».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 172–173)

В. П. ЧЕРЕПАНОВ: «10 мая вечером мы пришли в Колпашево. Баржи оставили на рейде в Колпашеве, а сами пришли в порт и вместе со встретившими нас работниками КГБ (теми, кто со мной разговаривал в Томске) мы пошли в кабинет начальника колпашевского речпорта Никоненко Юрия Михайловича. Здесь решался вопрос об организации удаления захоронения. Никоненко сообщил, что на яру уже закрепили трос, за который мы зацепим свой буксирный трос. По предложению работников КГБ была предпринята попытка размыть захоронение одним теплоходом».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 77–81)

С. Н. КОПЕЙКИН: «В ночь мы начали эту работу. Подали на берег буксир, там он был закреплен и попытались размывать берег, работая вперед. Сначала эта попытка была безрезультатной».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 172–173)

В. П. ЧЕРЕПАНОВ: «...из-за сильного течения теплоход перпендикулярно струе воды удержать не удалось буксировочным тросом, был снесен забор, загораживающий захоронение. Я числа точно не помню, но числа 10 или 11 мая я был приглашен работниками КГБ на совещание по вопросу ликвидации захоронения в банкетный зал ресторана „Обь“. Никто из присутствующих спиртных напитков не употреблял, был просто деловой ужин с разговором о ликвидации захоронения. Следующей ночью для операции был выделен теплоход ОТА-857, который удерживал буксирным тросом мой теплоход, размывающий грунт. Капитан ОТА-857 — Мясин Михаил Михайлович».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 77–81)

С. Н. КОПЕЙКИН: «ОТА-857... держал на буксире нос нашего теплохода <выше> по течению, а мы полным ходом работали поперек яра, кормой <почти> упираясь в берег. Яр стал обваливаться...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 172–173)

КОММУНИСТЫ НА ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

ВОСТРОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ, бывший прокурор г. Колпашево:

«...я вместе с товарищем Лепешкиным, начальником ГОВД, был приглашен к первому секретарю горкома партии. В кабинете у Шутова В. Н. находилось еще несколько человек, среди которых были начальник УКГБ Иванов, уполномоченный КГБ по Колпашевскому району Копейко, остальных присутствующих у Шутова я не знал. Во время беседы с первым секретарем нам товарищем Шутовым В. Н. было сказано, что обнаружены <останки> дезертиров. Поэтому никаких проверок ни милиция, ни прокуратура проводить не должны. Вопрос находится в компетенции КГБ, поэтому мы не должны вмешиваться. Наша задача — обеспечить общественный порядок... на следующий день в соответствии с данными мне инструкциями я <пришел> на берег реки к яру. Территория эта была уже огорожена дощатым забором. Кто выполнял эту работу, мне неизвестно...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 128–130)

МОЛЬКИН ВАСИЛИЙ ГЕРГИЕВИЧ, 1927 г. р., член КПСС, образование высшее, в 1960 г. после окончания высшей партийной школы направлен в Колпашево на партийную работу, работал вторым секретарем горкома партии, с 1972 г. по 1982 г. работал председателем горисполкома:

«Меня пригласил в городской комитет партии первый секретарь горкома Шутов и предложил огородить берег. Он мотивировал тем, что берег крутой, его подмывает вода и могут обвалиться люди, то есть быть несчастные случаи. Мне было предложено огородить деревянным забором и написать **аншлаг** „Опасная зона“. Я выполнил указание Шутова. Или комбинат бытовых услуг, или одна из строительных организаций огородила берег...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 62–63)

Л. С. ПУГАЧЕВ: «И в этот же день (или утром, я уже не помню) уже стоял забор. После этого туда пригнали катера, катера смывали, народ подходил, но за забором ничего не было видно. Там стояло оцепление, ходил милицейский катер, никого не подпускал туда. **Ну, а люди подходили и говорили, что вот, так и так, коммунисты прячут концы в воду...**»

(видеозапись)

КАРПОВ ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ, 1940 г. р., член КПСС, образование высшее, замначальника отдела колпашевского ГОВД, в 1979 г. работал начальником уголовного розыска:

«...там дежурили дружинники, но не от милиции, а от ГК партии. По периметру был выставлен один парный патруль работников милиции, который нес службу в этом районе, так как там производились работы».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 140–141)

Г. Н. ВОСТРОВ: «Охрана территории по периметру осуществлялась членами КПСС, которых горком партии привлекал для этих дежурств. Разводящим был инструктор ГК КПСС Москвичев Н. И., работающий в настоящее время председателем горсуда в Колпашеве».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 128–130)

МОСКВИЧЕВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ, 1950 г. р., образование высшее юридическое:

«Дежурство членов ДНД отдельных предприятий проводилось по составленному графику. Смена дружинников проводилась мной через каждые четыре часа, в том числе и в ночное время. Задача дежурства заключалась в поддержании порядка общественного и для безопасности граждан, так как берег продолжал под влиянием воды обрушиваться, и чтобы детьми не растаскивались кости. В районе дежурства дружинников, когда я приводил смену, видел граждан, не являющихся дружинниками. Были ли они работниками КГБ или обкома КПСС, не знаю, так как этих людей я не знаю.

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 92–93)

ВИТЮК АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, 1934 г. р., член КПСС, образование среднее, работает в МПМК объединения «Агропромстрой», начальник, был и секретарем парторганизации:

«...мне позвонили из колпашевского ГК КПСС и предложили к семи часам вечера с пятью коммунистами подойти к <тому > месту... нас встретили работники ГК КПСС, помню, был инструктор товарищ Мезенцев. Там же находились работники милиции. Нам объяснили, что водой стало вымывать трупы, но что это за трупы и какого происхождения, нам не объяснили, да и, по-моему, никто конкретно и не знал. И чтобы не допускать кривотолков, нам отвели участок, где мы должны были патрулировать».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 142)

РАСТОРГУЕВ ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, 1933 г. р., образование неоконченное высшее, место работы – МПМК «Агропромстрой», мастер:

«Точно числа не помню, приблизительно 8–10 мая нас срочно собрали на работе (я работал в МПМК), и секретарь партбюро тов. <Разуваев> сообщил, что ГК КПСС поручил нам нести дежурство, кажется, с 18–00 и до утра до 8 часов. Дежурили по линии <врытых> столбов метрах в двадцати от берега... Помню, что на дежурстве были Витюк А. В., <Розанов> Ф. М., Чичков Н. А., других не помню».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, лист 98)

Н. И. МОСКВИЧЕВ: «Если не ошибаюсь, я контактировал по этим вопросам с Чабовым Анатолием Яковлевичем, Трубачевым Виктором Григорьевичем, Кишкиневым Степаном Поликарповичем, Коноваловым Николаем Ивановичем и многими другими. Работают названные мной лица соответственно замкомандира

объединенного авиаотряда, инженером ЭТУСА, замдиректора завода „Металлист“, токарем северных электрических сетей...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 92–93)

Ю. В. РАСТОРГУЕВ: «А непосредственно в месте захоронения на берегу, там, где работал теплоход, подмывался берег с тем, чтобы ликвидировать захоронение, дежурила милиция и, по-моему, КГБ, потому что ... к этому месту вообще никого не пускали. Нас, пришедших дежурить, к месту подмыва берега не пускали...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, лист 98)

САВИН ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ, сотрудник КГБ:

«В связи <с праздником> 9 мая и для контроля обстановки на берегу 7 мая я снова вылетел в Колпашево. Находился там до 18 мая... Весь указанный период я находился на берегу. В мои обязанности входило предупреждение лиц, появляющихся близко у берега об опасности обвала берега».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 160–161)

НИКИФОРОВА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА, дочь погибшего в 1937 г. Колпашеве Михаила Георгиевича Смирнова:

«Пошла и я. Уже было загорожено, я перелезла, уже была большая вымыта почва яра. Стоял посередине теплоход, который струей вымывал остатки. Там были кости, причем, видимо, они расстреливали, потом накладывали наст, заливали креозотом, потом опять шли доски. Торчали несколько ярусов досок, а между ними были трупы... Я видела: в черном одет мужчина, ноги торчали. Ко мне подошел в штатском: „товарищи, здесь нельзя ходить“. Я говорю: „мне можно, потому что здесь могила моего отца, я имею право быть здесь...“»

(видеозапись)

ОТ-2010 (Колпашево, май 1979-го)

В. П. ЧЕРЕПАНОВ, бывший капитан теплохода ОТ-2010:

«Сверху земля была еще мерзлой, а ниже, ближе к уровню воды, грунт был талый... В срезе яра была одна яма — захоронение. Отбойной волной начали мыть берег. Мыли часа два. Сначала падали кости. Когда содержимое ямы обвалилось, проявились темные прямоугольники. Я сказал: „Будут еще“. Николай Иванович: „Будем работать!“ Трупы из ямы стали падать в воду. Мерзлый верхний слой земли обваливался большими глыбами по мере размывания нижнего талого слоя грунта. Мыли с 11 по 15 мая круглосуточно. Было много ям, количество назвать не могу. Трупы были целые, разной величины. Видел на них розово-белое белье. Трупы плавали, кагешники фотографировали. На время работы на палубе никого не было. Нам запретили выходить на радиосвязь. Полковник постоянно переговаривался с берегом по... миниатюрной радиосвязи. Кроме трупов, из берега вымывались срубы. В это время на берегу бурили скважины, искали необнаруженные захоронения. Теплоход почти весь ушел в берег. Запах был

ужасный, не пожелаешь и врагу».

*(запись К. Е. Лебедева, многотиражка Томского университета
«За советскую науку», № 42, 21.12.89)*

С. Н. КОПЕЙКИН, в навигацию 79-го – первый штурман на ОТ-2010:

«Видел на трупах рубахи и кальсоны... Трупы были расплющены, вроде как побывали под прессом... Они плавали, течением их подхватывало, крутило в заводи от теплохода. Плоть не сгнила, сушеные они были. Тел в яме было много. Я видел ям пять-шесть... Тела лежали вповал... Кроме трупов из ям иногда выпадали пустые бутылки. Глубина захоронения до двух метров от поверхности земли. Работали мы около трех суток. Двигатели перегревались, нас отбрасывало, трос лопался, мы несколько раз отходили. Нам объяснили, что это – санитарное мероприятие. Говорили, чтобы мы не распространялись об этом... Запаха я не чувствовал, видимо, сносило ветром. Руководил мероприятием секретарь обкома (по транспорту) Бортников».

*(запись К. Е. Лебедева, сб. томского «Мемориала»
«Летопись террора», вып.1, Томск, 1989)*

Г. С. ЧЕРЕПАНОВА: «В одной яме были кости, одежда с сильным запахом гниения. В другой – трупы. Сколько было ям, я не помню. Возможно, четыре. Ямы были шириной метра три, глубиной метра четыре, не менее. Из разговоров знаю, что берег в это время сверху охранялся работниками милиции. Сама я видела, что берег огорожен забором».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 192–193)

В. П. ЧЕРЕПАНОВ: «Колпашевский горисполком оформил аренду нашего теплохода. Мы люди подневольные, делали, что прикажут. Топлива сожгли 60 тонн. Полковник заметил, что у нас нет мяса. На следующий день мясо привезли и кушали мы весь период работы хорошо».

*(запись К. Е. Лебедева, многотиражка Томского университета
«За советскую науку», № 42, 21.12.89)*

ЧЕРЕПАНОВА ТАМАРА ИВАНОВНА, 1954 г. р., беспартийная, образование среднее техническое, инспектор отдела кадров Моряковской РЭП:

«В навигацию 79-го года (точно не помню) работала поваром на теплоходе ОТ-2010... Я конкретно ничего не видела. Все эти дня четыре или пять я варила, кормила команду и еще на теплоходе все это время находились два сотрудника КГБ. Я их тоже кормила. За питание они рассчитались, что-то 1 руб. 50 коп. в сутки. То, что было на берегу, я не видела. Да и не хотела смотреть. У меня на руках еще была десятимесячная дочка, свободного времени не было совсем. Больше ничего я добавить не могу».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 171)

В. Л. СОЧНЕВ, был тогда штурманом на теплоходе ПТ-32, «петушке». Их теплоход подвозил сотрудников КГБ и начальство к яру для инспектирования работ:

«Некоторые трупы сохранились целиком. Их вымывали тысячами, наверное, пусть – сотнями. В ямах они были слоями, слои пересыпаны. Были и кости, и черепа, и сгнившие тоже были, с дырками во лбу. Повариху с ОТ увезли,

ей дурно стало. Кто-то фотографировал».

(цит. по публикации В. Г. Фаста в «Летописи террора», вып.2, Томск, 1990)

В. П. ЧЕРЕПАНОВ: «Во время работы на судно заходил Бортников А. И. и интересовался техническим состоянием судна для бесперебойной работы».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 189–191)

С. Н. КОПЕЙКИН: «Когда стало видно, что мы размываем трупы, что это не помойка, нас еще раз собрали эти двое из КГБ и дали этому такое объяснение, что захоронены дезертиры, убежавшие с войны».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 172–173)

В. П. ЧЕРЕПАНОВ: «Трупов было много, их количество никто не считал. Размывали до 14 мая, до тех пор, пока перестали выпадать трупы. После того произвели контрольное бурение в шахматном порядке через один метр на глубину семь метров. В одном из каналов было обнаружено что-то еще подобное захоронению. 14 и 15 мая продолжали заниматься размыванием трупов, но трупов не обнаружили, были смыты шурфы контрольного бурения и обнаружена туалетная яма. После этого работы закончили».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 189–191)

ЛОДКИ НА ОБИ

ЛЕПЕШКИН АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ, бывший начальник ГОВД
г. Колташево:

«По данному факту я уже давал подробные показания. В настоящее время меня допрашивают по данному делу в качестве свидетеля. Я предупрежден об уголовной ответственности по статье 181, 182 УК РСФСР, суть этих статей мне ясна. Все показания, изложенные в объяснении, я полностью подтверждаю. Прошу ознакомить меня с объяснением, у меня могут быть дополнения или уточнения...

Как я показывал, в начале мая я был приглашен к начальнику отделения УКГБ по Томской области Копейко В. Н. Отделение находилось в здании милиции. Там находился второй секретарь областного комитета партии Бортников и начальник КГБ по Томской области Иванов Ким <Михайлович>. Бортников мне как начальнику милиции объяснил, что предстоит операция по размыву берега, где обнаружено захоронение. Мне Бортниковым дано было указание подготовить пять команд, <так как> могут поплыть трупы. Их нужно топить. **Я поясняю, что не собирать и производить захоронение, а именно топить.** Было дано <указание> создать пять команд по два человека с моторными лодками. Срок был дан один час. Я возразил, что за час не успею, сложный вопрос. Было дано указание выполнять и никаких разговоров. Ни Иванов, ни Бортников, а также Копейко не ставили меня в известность и не объясняли мне, что за захоронение. Мной, согласно указани<ям>, было создано 5–6 команд. В это время теплоходом происходило размывание берега недалеко от пристани, это

было на расстоянии ста метров, может, чуть больше. Я лично на этом захоронении не был. На ночное время я выставлял пост из работников милиции. Там была огорожена территория. Но это производилось без участия работников милиции... Могу сказать, мне как начальнику милиции было известно, что выделенные в распоряжение КГБ сотрудники отдела топили трупы, готовили проволоку, привязывали кирпичи, топили в Оби. Я знаю, что никакого судебно-медицинского исследования трупов не производилось. Вымытые трупы не перезахоранивались».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 58–59)

ВАЛЬТЕР ЭРНЕСТ АЛЬБЕРТОВИЧ, заместитель начальника Колпашевского ГОВД:

«...тов. Копейко сказал, что нужно выделить 4–5 человек офицеров, это согласовано с УВД. Я выделил следующих офицеров: Попов<а>, Бурков<а>, Чепрасов<а>, Куксенко. Возможно, были еще люди, но я не помню. Со слов выделенных сотрудников я узнал, что они получили задание топить плывущие трупы, которые вымыва<ю>т теплоходом из яра. Бензином их снабжали представители КГБ. Размывали ямы несколько дней, и все это время мы несли круглосуточное дежурство на берегу. В городе никаких происшествий, связанных с обрывом, не было».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 146)

КАРПОВ ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ, замначальника отдела колпашевского ГОВД:

«... я работал начальником уголовного розыска. Точно число не помню, но меня вызвал Вальтер Э. А. и попросил, чтобы я выделил людей, которые имеют в наличии личные лодки с моторами и отдать их в распоряжение ОКГБ. Для какой цели выделить людей — мне было неизвестно. Я выделил Чепрасова, Попова. В дальнейшем от них я узнал, что они были с работниками КГБ на реке и топили трупы, которые выпадали из ямы на берегу, когда обвалился яр».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 140–141)

ПОПОВ ВЛАДИМИР ВАЛЕРЬЕВИЧ, 1951 г. р., род. в Колпашеве, беспартийный, образование высшее незаконченное, следователь Колпашевского ГОВД:

«...в данном мероприятии я участия не принимал».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 102–103)

ЧЕПРАСОВ ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ, 1943 г. р., член КПСС, образование высшее, место работы — Колпашевский ГОВД, начальник ИВС ГОВД:

«...меня вызвал к себе в кабинет начальник ГОВД Лепешкин А. Н., я не помню, был ли <кто еще> в это время в кабинете, но мне было сказано, что со следующего дня я с Морозовым (ранее работал старшим инспектором ОБХСС ГОВД) поступаю в распоряжение КГБ на закрепленной за нашим отделением моторной лодке. На следующий день, утром, на берегу Оби в районе пристани с нами разговаривали работники КГБ, из которых я помню Копейко В. Н. и Мельника Н. Е. Нам была поставлена задача на лодках находиться на реке и топить в реке проп<лывавшие> трупы и фрагменты. Для этой цели использовали металллом и проволочные петли. Кроме меня и Морозова, я помню, что еще в этой „операции“ участвовали начальник <инспекции госпожарнадзора>

Бурков В. С. с кем-то и инспектора службы ГОВД Куксенко с кем-то. Мне кажется, что было более трех лодок, но три я точно не помню. Сейчас не могу вспомнить, на всех ли лодках находились работники КГБ. На нашей лодке, кроме меня и Морозова, почти всегда находился Мельник Н. Е.».

(из материалов уголовного дела № 49, 2, лист 83)

МЕЛЬНИК НИКОЛАЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ, начальник горотдела КГБ Томска-7:
«Когда... теплоход прибыл в Колпашево, перед началом размыва берега, я получил приказ выехать в село Парабель для контроля за возможным появлением трупов из колпашевского захоронения по Оби в районе Парабели, где находился в течение около трех недель. Поэтому принимать участие в формировании команд из работников милиции и КГБ я не мог...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 184–186)

БУРКОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ, 1942 г. р., родился в Колпашево, беспартийный, образование среднее специальное, место работы – колпашевский ГОВД, начальник отделения:

«...когда начальник милиции <спросил>, у кого есть моторные лодки, и я поднял руку, то меня и других сотрудников он направил в распоряжение начальника отделения КГБ по Томской области Копейко. Кроме меня, в распоряжение Копейко были направлены сотрудники Попов В. В., Чепрасова я не помню, Куксенко, Морозов. Куксенко в настоящее время умер. Со мной и двумя сотрудниками Копейко провел инструктаж, чтобы мы выполняли указания сотрудников КГБ. <Никаких> сведени<и> населению не <сообщали>. Было сформировано три или четыре экипажа по три человека в каждой лодке. Со мной тоже было два человека. Кто-то из работников милиции, я уже не помню, и молодой сотрудник КГБ, тоже я его фамилию и как зовут <...> не знаю. Он нам выдал черные резиновые перчатки, моток проволоки медной был у него. По его указани<ю>, все эти экипажи спустились на лодках на „Вторчермет“, где набрали металлических <болванок> весом от 5 до 10 килограмм и загрузили в лодку и оттуда поднялись к яру, где ранее располагался НКВД. Когда я подъехал, то увидел, что к яру был причален кормой теплоход ОТА-2000 (*всё-таки ОТ-2010. – прим. В. З.*) и работой винтов направлял струю в берег. Другой теплоход <притягивал его к берегу>, чтобы его не сносило. Я управлял лодкой, проехал у яра, мне еще сотрудник КГБ порекомендовал близко не подъезжать, не причаливать. Яр был огорожен забором из досок, из воды было видно две или три траншеи, в разрезе был виден пласт из человеческих трупов, <торчали> руки и ноги».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 85–86)

В. П. ЧЕРЕПАНОВ, капитан ОТ-2010: «Подмывали три часа, прежде чем обвалился грунт. На срезе <горы> четко выделялись два прямоугольника размером три на шесть метров, продолжили работу. И через два-три часа грунт снова обвалился, но уже с человеческими останками. Все это падало в реку и <размалывалось> винтами...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 189–191)

В. С. БУРКОВ: «...через двадцать-тридцать минут обрушился яр. Этот пласт рухнул в воду. Из яра стали выныривать, как поплавки, трупы. Сотрудник <КГБ>

дал команду подъехать к любому трупу. Я подъезжал, он накидывал петлю, цеплял за лодку и выезжал на фарватер. Там труп опускали, привешивали к трупу металлическую болванку и так топили трупы. Первый обвал был около 21-го часа... В первый вечер мы утопили не менее десяти трупов. Тела трупов имели землистый цвет, были плоские, как ладошки, сухие. Одеты были кто в белое нижнее белье, кто в черное хэбе. В голове я видел отверстия — у некоторых в затылке, у некоторых во лбу. Так и топили трупы дня два-три. Которых мы не успели поймать, их разнесло по реке и по кустам... Уточняю, что пока мы не подъехали к теплоходу, причаленному к яру, никто из сотрудников КГБ, начальник милиции тов. Лепешкин А. Н. не говорил, чем мы должны были заниматься».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 85–86)

В. Я. ЧЕПРАСОВ: «Нам на лодках было запрещено подъезжать к месту, где размывали берег. Мы находились у берега ниже этого места метрах в трехстах-четырехстах. Когда обвалился берег с трупами, то мы выезжали на реку и топили проплывающие мимо трупы, фрагменты (сколько было в захоронении трупов, сказать невозможно, так как было половодье, почти всегда дул ветер, трупы разносило по реке и частично они уплывали вниз...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 83)

В. С. БУРКОВ: «...большинство трупов все же уплывало вниз по течению».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, лист 43)

В. Я. ЧЕПРАСОВ: «Этой работой мы занимались несколько дней. Некоторые трупы можно было опознать, хорошо были сохранившиеся лица...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 83)

СПАСАТЕЛИ

ПОТЕКИН АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ, *колпашевец*:

«В то время я был начальником спасательной станции, почему и имел к этому прямое отношение... Мы подъехали на катере „Амур“ (со мной был капитан-механик Тайлашев Сергей Васильевич), причалились в берег, где стоял большой теплоход ОТ и размывал берег. Из яра сползала к воде... масса людей, лавина, могу уверенно сказать — лавина. Сползала и поражала... делалось жутко, что такое количество народу... я не ошибусь, если скажу, может быть, в тысячах исчислялось количество людей».

(видеозапись)

ТАЙЛАШЕВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, *работал в 1979 году на спасательной станции*:

«До того, как обвалиться этому захоронению полностью, вначале обнажилась прослойка... ну, когда высокие берега обваливаются, видно слой песка, слой глины, слой торфа — как слоеный пирог. Так вот и в этом месте был

слой типа торфяной массы, клочки одежды, кости...»

(видеозапись)

А. Н. ПОТЕКИН: «На теплоходе, как потом я узнал, были работники КГБ... Они нас, ну, грубо просили отчалить и уйти. Один, невысокого роста, видимо, старший кричал: „Уйдите немедленно, уйдите немедленно!“. Ну, мы отошли, пораженные, конечно, до предела... На завтра утром, часов в шесть утра звонок мне домой. Звонил начальник КГБ Владимир Николаевич Копейко и сказал: „Тебе нужно немедленно приехать к нам“. Я сел в автомобиль и приехал в милицию, где размещаются их кабинеты. Он сказал: „Анатолий Николаевич, нужно помочь“. В чем помочь? Нужно топить то, что несет по реке. Вот эти тела все нужно утопить, чтобы быстрее... пресечь... в памяти людей... вот все, что вымыла Обь. А для чего стоял большой теплоход? Для того, чтоб смыть яр, скрыть... всю эту могилу... Возмущению людей (не было предела), потому что было обнародовано через горком партии, что это дезертиры... Никто не верил, что такое количество могло быть дезертиров».

(видеозапись)

ФРОЛОВ ЭДУАРД АНДРЕЕВИЧ, 1950 г. р., род. в дер. Старокороткино, Колпашевского района, русский, беспартийный, образование среднее специальное:

«С апреля 1976 года я стал работать водолазом на спасательной станции г. Колпашево, расположенной на реке Обь. Сейчас уже точно числа не помню, но в мае месяце, на выходные дни... я возвращался из деревни <Старосандорово> на лодке и вез домой картошку. Подходя к станции, я увидел, что по реке плывет труп человека. Я разглядел его. Труп был какой-то плоский, цвета типа воска. Было видно, что он не свежий. Я проехал дальше, тут же увидел еще один плывущий труп. Он был точно такой же, как и первый. Я быстро поехал к станции. Подъезжая, я увидел, что Потекин (тоже наш водолаз) уже находится на спасательном катере „Амур“. Здесь же, возле катера стоит начальник Колпашевского отделения КГБ Копейко, а с ним еще двое мужчин в гражданской одежде. На берегу лежала нарезанная медная проволока и якоря в виде грузил. Я сказал Потекину, что вот переезжал реку и видел два плывущих трупа. Потекин мне сказал, чтобы я быстро выгружал картошку и загружал в лодку якоря и проволоку. Я сказал Потекину, что мой рабочий день еще не начался. Тогда Копейко мне сказал, что я слишком много говорю, и мне нужно делать то, что сказали. Я понял, что здесь заинтересованы работники КГБ, поэтому загрузил в лодку якоря и проволоку. Один из мужчин, бывший с Копейко, сел ко мне в лодку и мы поехали на середину реки. Кем был этот мужчина, Копейко мне не <сказал>, но я понял, что он был начальником КГБ, раз пришел вместе с Копейко. Мы вышли на середину реки, работник КГБ сказал, чтобы я развернулся носом лодки против течения и держал мотор на малом газе, чтобы лодка стояла на месте, а сам он стал высматривать трупы в воде. Через некоторое время он заметил плывущий труп и сказал, чтобы я подрулил к нему. Я подошел на лодке к трупу. Работник КГБ привязал к проволоке якорь, сделал на ней петлю, одел петлю на руку трупа и отпустил якорь. Труп утонул. Я попытался выяснить у работника КГБ, что это за трупы, откуда они плывут, может, их надо захоронить, но работник КГБ мне грубо ответил, что я слишком много разговариваю. **Для меня было странным топить трупы, так как я привык доставать их из воды.** О том, что эти трупы

плывут из вымытого на берегу захоронения, я не знал. Мы выезжали в этот день с работником КГБ на реку раза четыре и утопили где-то пять трупов. Все трупы топил сам работник КГБ, после этого, в этот же день вечером до меня дошли слухи, что на берегу, где раньше было здание милиции, в результате обвала вскрылось захоронение, оттуда плывут эти трупы. Я точно не знаю, но ходили слухи, что это были расстрелянные в 37–38 годах. Были также слухи, что некоторые жители Колпашева даже узнавали в них своих родственников, знакомых, хотя я лично таких конкретных фактов не знаю. Больше я работниками КГБ к утоплению трупов не привлекался. На следующий день с ними работал Кочаровский Виктор. В настоящее время он, по-моему, уехал на Украину жить».

(из материалов уголовного дела № 49, 2, листы 144–145)

А. Н. ПОТЕКИН, бывший начальник спасательной станции:

«Мы топили их. С завода «Металлист» была доставлена мягкая медная проволока, из «Чермета» доставлены груза... всевозможные гайки, шайбы, шестерни. Мы их перевязывали поперек короткими обрывками проволоками — и топили. Но поскольку все это было не вдруг и не сразу, многих разнесло... очень многих разнесло и очень далеко, и отовсюду потом поступали сведения, что там, там, там, вплоть до Иванкино, до Инкино, это почти за сто километров, доплывали вот эти убитые. Что можно отметить. Многие были раздеты до нательного белья, голых я не видел. По крайней мере, до кальсон. Прострелены головы у всех. Одна дыра — и на вылете. Иной на вылете нет. Или две. Видимо, кто мучился — сразу не убивали, неудачно стреляли — добивали лежачего уже... У многих были повязки на лбу».

(видеозапись)

«...ПРОШУ ПРИЗНАТЬ МЕНЯ ПОТЕРПЕВШИМ ПО ЭТОМУ ДЕЛУ»

ЗЯБЛИЦКИЙ СТЕПАН ГРИГОРЬЕВИЧ, 1926 г. р., родился в с. <Богучар> Алтайского края, русский, беспартийный, образование высшее, пенсионер:

«В 1930 году я с родителями проживал в пос. Новокороткино Колпашевского района Томской области, куда мы были высланы как кулаки из Алтайского края. Вместе с нашей семьей проживал мой дядя, Зяблицкий Павел Иванович, 1915 г. р., все мы находились на учете в спецкомендатуре. Мой дядя самовольно выехал в пос. Чулково Колпашевского района, где стал работать на лесоучастке. В феврале 1938 года он был арестован органами НКВД, дальнейшая его судьба мне была неизвестна. Я его разыскивал в 1989 году, запросил у КГБ по Томской области. 05.07.89 письмом за № 13–173–89 прокурор Томской области сообщил сведения о дальнейшей судьбе моего дяди. Он был в 1938 году за участие в контрреволюционной антисоветской организации осужден особым совещанием НКВД к высшей мере наказания. Приговор приведен <в исполнение> 1 апреля 1938 года. Место исполнения приговора неизвестно. Прокурор также сообщил, что 22 октября 1957 года уголовное дело по обвинению Зяблицкого П. И. пересмотрено военным трибуналом. Постановление НКВД от 21.02.38 отменено за отсутствием в его действиях состава преступления. По моему запросу, из

г. Колпашево пришло свидетельство о смерти на Зяблицкого П. И., согласно которого в книге регистрации актов о смерти произведена запись № 5 от 12 июня 1989 года, указана причина смерти — расстрелян в г. Колпашево. Из этого акта о смерти я делаю вывод, что мой дядя был расстрелян в г. Колпашево. Из газетных публикаций мне стало известно, что весной 1979 года на берегу реки в г. Колпашево, там, где в 37–38 году находилось НКВД Нарымского округа, было обнаружено захоронение. Это захоронение было уничтожено. Трупы, человеческие останки были утоплены в реке. Я считаю, что в этом захоронении был и мой дядя, Зяблицкий П. И. В то время, когда забрали работники НКВД моего дядю, из нашего <поселка> были забраны органами НКВД колхозники <Боранчуков>, Бычков Григорий, один подросток <Яша>, возраст 15–16 лет, его дядя Гога, имени уже не помню. Все они домой не вернулись, дальнейшая судьба их неизвестна. Я считаю, что они также были расстреляны в тюрьме НКВД и трупы их находились в этой яме. Прошу <вас> приобщить к настоящему делу архивно-уголовное дело по обвинению моего дяди Зяблицкого П. И. в создании контрреволюционной организации, так как поделщиками дяди могли быть односельчане или другие невиновные лица. Кроме этого, я прошу признать меня потерпевшим по данному делу, так как мне причинен моральный вред, я являюсь ближним родственником погибшего и заинтересован в объективном расследовании дела. Я заостряю внимание следователя на таком факте, что мой дядя был арестован в феврале 1938 года, расстрелян в г. Колпашево в апреле месяце, определением № 12–22 от 2.10.1957 реабилитирован, а весной 79-го было обнаружено захоронение с репрессированными гражданами и уничтожается таким варварским образом. Это есть глумление над прахом и могилой невинно-расстрелянных.

Протокол мной прочитан, записано все верно,

Зяблицкий»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 91–92)

КОЛПАШЕВО, МАЙ 1979-го

ВАЙСБЕККЕР РОМАН РОМАНОВИЧ, 1951 г. р., Колпашевское РТП,
водитель:

«В 1979 году я работал на теплоходе „Заря“ рулевым-мотористом. Летом 1979 года, время точно не помню, мы возвращались на теплоходе из рейса и увидели, что на берегу выше пристани, где раньше находилась старая милиция, стояли два теплохода. Один „двухтысячник“, другой „тысячник“, № 835 или 845. Они мониторами вымывали берег. До этого я слышал разговоры о том, что на реке в некоторых местах находились трупы людей и будто бы обнаружилось захоронение. От кого конкретно я это услышал, сказать не могу. Мы подошли ближе на „Заре“ к теплоходам, чтобы разглядеть, что там происходит. Теплоходы мощными струями воды размывали берег и оттуда в воду падали человеческие трупы. Конкретно очертания ям уже не было, но была просто большая вымоина в берегу и оттуда падали трупы. Что делали с трупами, которые упали в воду в районе теплоходов, я сказать не могу, так как мы быстро прошли мимо. Какое

количество трупов было обнаружено в яре, я сказать не могу. Место обнаружения трупов было обнесено дощатым забором. Ямы, которые вскрылись на берегу, находились на территории хоздвора милиции, так как в детстве мы играли там постоянно в футбол, и я хорошо знаю расположение территории старой милиции. Больше мы к этому месту на теплоходе не подходили и специально пешком я к обнаруженным ямам также не ходил, так как там это место охраняли солдаты. Через некоторое время наша „Заря“ стояла на причале. Я находился на корме. В это время я увидел, что мимо „Зари“ проплывает труп. Он плыл так близко, что его можно было достать рукой. Из любопытства мы решили вытащить этот труп на палубу. На трупе была одежда, но когда я взялся за нее, то она стала расползаться и проходила между пальцами как воздух. Тогда мы вытащили труп багром. Это было труп мужчины лет 40–45. Внешний вид его хорошо сохранился, как будто он умер недавно, на лице была щетина, но тело было как каменное. Одет он был в белое нижнее белье: кальсоны и рубашку. Тело было чистое, но на голове был слой извести. Мы слышали, что этих людей расстреливали, поэтому из любопытства стали отколупывать известь с головы и на левой стороне черепа обнаружили круглое отверстие, диаметр отверстия небольшой, было похоже на выстрел из мелкокалиберного оружия. Было только входное отверстие, выходного не было. Минут через десять после того, как мы вытащили труп, к нам прибежали работавший в то время начальник речного порта Никитенко, капитан Кононов и работник КГБ, фамилии его я не знаю. После этого все произошло быстро. Мы запустили двигатель и вышли на середину реки. Кононов предложил мне быстро спихнуть труп в реку и причалить к берегу. Я отказался. Кононов был раздражен, видимо, ему попало за то, что мы выловили труп. Затем труп столкнули в воду, кто — я не помню. К трупу ничего не привязывали, и он, по-видимому, так и ушел...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 149)

Л. А. МАКОЕД, живет по соседству с захоронением в бывшем доме НКВД:

«Со мной работала Вера Комарова, они жили на берегу, у старой пристани. Они вечером пошли на берег подышать воздухом. Муж говорит: „Посмотри, откуда такие дрова плывут?“ Когда ближе спустились, а это — ужас был! — это плыли трупы. Они, видно, тонули, а потом всплывали... Здесь-то охраняли, а там-то не подумали, что все равно часть трупов будет плыть... Многих признавали за утопленников, звонили в милицию. Сначала приезжала, а потом и приезжать перестала...»

(видеозапись)

ВИТЮК АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, начальник МПМК объединения «Агропромстрой»:

«Наше предприятие расположено на берегу Кетской протоки, примерно через четыре дня приезжаю утром на работу, сторож мне говорит, что прибило к берегу труп. Позвонили в милицию, спросили, что делать. Ответили: есть отверстие в затылке? тогда пусть плывет дальше. Труп осмотрели, в затылке действительно было отверстие. Привязали к трупу камни и оттолкнули от берега...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 142)

КОЛЧАКОВЦЫ (ложь вторая)

ЛЕВИЦКИЙ ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, *бывший работник колпашевского МГБ:*

«Я, Левицкий Юрий Алексеевич, участник Великой Отечественной войны, после демобилизации в 1947 году был направлен на оперативную работу в органы государственной безопасности Кировским райкомом партии города Томска. Проработал я в органах до 1956 года... В томском областном управлении я проработал несколько месяцев и был направлен в Колпашево. С декабря 48-го года до конца 55-го я здесь и работал на оперативной работе. Когда я сюда приехал, вышел на работу... мне было приказано пересмотреть архивные дела на политическую ссылку конца 20-х — начало 30-х годов. То есть на троцкистов, меньшевиков эсдеков... Здесь в ссылке было много этих лиц, в том числе видные деятели, такие как эсер Дмитрий Дмитриевич Донской, член ЦК партии эсеров Иванова-Иранова Елена Александровна. Все эти дела мне было велено проверить, все фамилии оттуда, нет ли кого-либо тут еще. Никого здесь не оказалось, все эти дела были уничтожены. Рядом стоял другой шкаф, в комнате № 17, как мне помнится, там находились в сереньких невзрачных корочках дела на дезертиров, это была самая разношерстная публика. Либо кто-то укрывался от призыва в Красную Армию, либо дезертировал из армии, они скрывались здесь в Нарымской тайге. Это были не единичные факты, дел этих было много, не единицы и не десятки... В условиях военного времени с ними поступали очень просто: вылавливали в тайге и всех свозили в Колпашево как центр Нарымского округа, их судили, приговаривали к высшей мере наказания. И тут же они захоранивались в этой самой злополучной яме, о которой идет речь... Я слышал от ребят, где была эта яма, там находилась внутренняя тюрьма МГБ, эта тюрьма досталась в наследство от Нарымского окружного отдела НКВД, тому она досталась от органов ОГПУ, а им досталась от колчаковцев. Надо полагать, что заполнение этих ям началось при Колчаке. В 20-е годы в борьбе с бандитизмом тоже эти ямы наполнялись, в 37–38 году эти ямы были наполнены жертвами террора, развязанного органами в то время, и наконец туда же складывались трупы тех, кто был расстрелян как дезертир. Вот такие слагаемые были у этой ямы. Их было три, ямы...»

(видеозапись)

МАШКОВ АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, *заместитель начальника УКГБ по Томской области:*

«Тюрьма в Колпашево была построена во времена Колчака, потом досталась органам милиции. Там содержались уголовники, бандиты. Насчет 1937–38 годов нет уверенности, но отдельные свидетели говорят, что там расстреливали. Зато **точно известно**, что в 1941–43 годах там расстреливали дезертиров...»

(Из газеты «На стройках Томска» за 5.10.89)

Г. А. ТИПСИН, *1908 г. р., колпашевец:*

«О Колчаке там говорят, что это колчаковское... Это вранье, все неправда. Отступал Колчак, отступал с армией, бежали с ним зажиточные люди, купцы там

всякие... Целый обоз пароходом был зацеплен. Конечно, с комфортом плыли, не то что арестованные. Приставал пароход против Матьянги, на руках вынесли трех человек и похоронили... Колчак не расстреливал. Где-то было, но там не было. А потом тюрьмы никакой не было в Колпашево. Это уже только взрослое арестное помещение так называлось, в бывшем купеческом доме. Там комната была отведена, дом стоит и сейчас. Я бы мог назвать людей, чтобы подтвердили, но их же сейчас нет...»

(видеозапись)

КОНОВАЛОВ ЛЕОНИД СЕРГЕЕВИЧ, 1912 г. р., колпашевский старожил:

«Я знаю это место! Ну, где камера предварительного заключения, так можно сказать... ну, где контора НКВД была. Там были лично мои поля, я в 12 лет, собственно, сам хлеб сеял на том месте. Пахал и сеял, и сено косил. И там наше гумно было, рядом. Отчий дом до сих пор стоит. Только на третьем месте, всякий раз переносили, когда река подступала. Вот там, где отчий дом стоит, там стояло наше гумно, хлеб там хранили... Никакой там колчаковской тюрьмы не было! Правда, мне тогда было лет-то немного, но во всяком случае я колчаковцев помню... А ближе к Оби? Не было ничего. Были чистые поля. Была эта... деревня Благиново или Саратовка ее называли. По-разному ее называли... Болотца там были. Блюдца. Весной разливалась снежная вода, водились там утки перелетные...»

(видеозапись)

Нарымский окружной отдел НКВД появился на этом месте лишь в начале 30-х годов. Надо сказать, что в ходе прокурорской проверки тот же бывший сотрудник госбезопасности Юрий Алексеевич Левицкий говорил об этом вполне определенно...

Ю. А. ЛЕВИЦКИЙ: «Начальником внутренней тюрьмы был мой родственник Ракитин Григорий Антонович. Из разговоров мне известно, что тюрьма была сделана в начале 30-х годов, когда образовался Нарымский окружной отдел НКВД. Тогда же было выстроено административное здание НКВД, жилые дома и магазин для работников НКВД...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 129–131)

ЧТО ЭТО БЫЛО (Колпашево, годы 50-е)

ВИТЮК АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, 1934 г. р., начальник МПМК объединения «Агропромстрой»:

«В г. Колпашево я проживаю с 1938 года. Еще в детстве, учась в школе, мы ходили на спортивную площадку „Динамо“, которая была расположена по ул. Дзержинского. Помню здание НКВД. В 1950 году оно находилось в метрах трехстах-четырехстах от реки Обь. Сразу за зданием НКВД был стадион с футбольным полем. В сторону реки находился спортивный зал, а еще дальше к реке была улица. В настоящее время ее смыло. С восточной стороны находились

жилые дома работников НКВД».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 142)

КАРПОВ ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ, 1940 г. р., замначальника отдела колпашевского ГОВД, в Колпашево проживает с 1948 г.:

«...я помню зданию НКВД, так как мы на стадионе „Динамо“ играли в футбол. За стадионом был спортивный зал, в котором показывали кинофильмы, и мы ходили туда. За спортзалом проходила улица, за ней стоял магазин, и там была еще одна улица, но ее уже подмыло. С правой стороны здания НКВД был парк с аллеями. За стадионом стояли двухэтажные дома работников НКВД. Их было три или четыре, точно не вспомню. В дальнейшем, где-то в пятидесятых годах в здание НКВД была переведена милиция. В этом здании, кроме милиции, находилась прокуратура и оперуполномоченный КГБ. Территория милиции (а ранее – НКВД) была огорожена высоким, метра <в> четыре забором, поверх – <ключая проволока>. На территории находились дрова, так как было печное отопление. Само здание имело три выхода. Два выхода на первом этаже и один выход со второго этажа. О том, что на территории НКВД была внутренняя тюрьма, я ничего не знал, но силуэты вышек по углам был<и> видн<ы>. При обвале яра – а его мыло сильно – в первую очередь был перенесен спортзал, и из него сделали детскую спортивную школу. А затем и перенесли дома. В 1968 году была переведена милиция на ул. Кирова, а из здания милиции выстроено общежитие медицинского училища».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 140–141)

ЕЩЕ РАНЬШЕ (Колпашево, годы 40-е и 30-е)

ЗЮЗЬКОВ МИХАИЛ ТИТОВИЧ, 1914 г. р., с 1941 г. служил оперуполномоченным в Нарымском окротеделе НКВД:

«НКВД в г. Колпашево располагалось в двухэтажном деревянном здании у берега реки Оби, более чем в ста метрах от берега. На берегу были огороды, следом за зданием был хозяйственный двор, далее следовала внутренняя тюрьма со своим двориком небольшим (там я не был). Начальником внутренней тюрьмы был Короткевич (имя, отчество не помню). В октябре 1944 года я выехал из Колпашево в Томск (после организации Томской области в августе 1944 года)...

Прилагаю к объяснению план-схему расположения здания НКВД и прилегающих сооружений».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 105–106)

РАКИТИНА МАРИЯ ЕФИМОВНА, бывший цензор НКВД:

«Муж Ракитин Григорий Антонович, 1914 г. р., работал в НКВД оперуполномоченн<ым> (короткое время в 1944 г. – и начальником тюрьмы. – прим. В. З.). С 1941 до 1957 г. – старший лейтенант, работал в отделе цензуры (как и я). В отделе было человек 6–8. Я работала военным цензором с конца 1942 г. до мая 1945 г. Работали мы в основном на почте при просмотре писем. Здание НКВД с парадного входа не было огорожено. С противоположно стороны здания имелся

двор. Во дворе НКВД было еще ограждение, за которым находилось одноэтажное здание тюрьмы. Кроме тюрьмы за забором находился домик (будка) для начальника НКВД, будка имела размеры 3 x 3 м. Там имелись скамейки. Начальник НКВД в будке встречался с надзирателями. У забора находились две вышки для охраны... Начальником тюрьмы работал Короткевич... Я заходила в домик у тюрьмы и Короткевич шуточки ради пугал меня, что меня мертвецы за ноги схватят. В дальнейшем при этом разговоре он говорил, что под полом закопаны бандиты и их там много».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 126–127)

КРАСНЫЙ ТЕРРОР (Колпашево, год 1937-й)

КАРПОВ САФРОН ПЕТРОВИЧ, 1912 г. р., член КПСС, подполковник госбезопасности в отставке, в органах НКВД – с 1935 года, с ноября 1937 г. назначен оперуполномоченным Нарымского окружного отдела НКВД, где и проработал старшим следователем следственной части. В июне 1942 г. был назначен начальником Колпашевского горотдела НКГБ, с декабря 1946 г. по ноябрь 1956 г. работал в аппарате управления НКГБ Томской области в должности заместителя начальника следственной части:

«В мае 1937 г., когда я был на курсах в Новосибирске, там было совещание работников аппарата НКВД Новосибирской области. Выступал секретарь Новосибирского крайкома Эйхе и я сам слышал его речь, будучи в охране. Он говорил, что вскрыт контрреволюционный монархический заговор, нужно ликвидировать его угрозу. Вскоре были организованы группы сотрудников, которые разъезжали на места в Сталинск (ныне Новокузнецк. – прим. В. З.), Томск, Кемерово, Нарым. Я попал в нарымскую группу... «

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 119–121)

...к слову сказать, сам Эйхе Роберт Индрикович, один из бесчисленных латышских большевиков, осчастлививших Россию коммунизмом, был расстрелян в 1940-ом году, а позже причтен к жертвам сталинщины.

Г. М. НИКИФОРОВА, 1923 г. р.:

«В этот год было какое-то волнение... как идешь на базар, где стоит теперь музыкальная школа, в 37-ом году весной приехали какие-то военные, с голубыми околышами, раньше мы таких не видели. Да и какие здесь военные, ходили разве что милиционеры. У них палатки были, нас, ребятишек, это интересовало, мы туда бегали, нас отгоняли... Было их очень много. И вот в один из летних дней, ночью к нам пришли два человека. Я спала, они спросили маму об отце, мама сказала, что его нет здесь, он в Томске. „А когда он приедет? “. – „Не знаю, он должен вернуться в конце августа“. – „Передайте ему привет, мы с ним ехали вместе весной из Иванкино на одном катере“. Мама говорит: „Помилуйте, он никогда не был в Иванкино, у него все родные в Томске!“ – „Ну извините“, – и ушли... Мама поговорила с друзьями, военком колпашевский, Илья Петрович Баллот, сказал маме: „Надо собирать Галинку в Томск, надо его предупредить“. Написали ему письмо, дали мне его. Я и сейчас жалею, почему я не прочитала это

письмо, конверт не был запечатан... Я приехала к знакомым нашим в Томске, на Нагорной улице, там жил Степанов, дядя Никита. Я говорю: „Дяденька, я папе привезла письмо“. Он его вынул, прочитал и бегом к папе. Я задремала, слышу разговор: „Ты, Миша, должен на это время уехать, пройдет эта волна. Раз приходили к тебе, это уже знак“. И слышу папин категоричный ответ: „Нет! Я за собой никакой вины не чувствую, я на себя навлеку какое-нибудь подозрение...“ Он увидел, что я не сплю, бросился ко мне, стал целовать. Оделись мы, пошли по Томску. Покупал мне мороженое, водил на карусели. Так мы хорошо с ним день провели, а вечером он отправил меня обратно, тоже с письмом. Записочка: „Ждите меня, я скоро буду дома“. Приехал через 4–5 дней, очень больной. У него раны были с гражданской войны, почти всю мировую германскую и гражданскую прошел, с 15-го по 22-ой год. С 3-его на 4-е сентября к нам ночью постучали... Я до этого искупалась в озере и покрылась красными пятнами. Папа еще работал, это было во 2-ом часу ночи, я подошла к нему, в кабинет, он, как всегда, сидел за столом, решал свои задачки. Я показала ему свои пятна, он поцеловал меня. У него под ключом от мамы были любимые его духи восточные „Саида и <Садыяка>“ в маленьких флакончиках. Он их достал, мне ваткой каждое пятнышко помазал, сказал: „Иди спать“. Я ушла – и в это время стук. Зашли двое, одного из них я узнала, это был работник НКВД Калинин, высокий красивый мужчина. А второго не знала, наверно, из этих палаток. Папа открывал дверь. Что меня поразило, когда ему сказали: „Руки вверх!“ – он нехотя стал их поднимать... Этот человек, который никогда на фронте не поднимал рук, был отважным, смелым человеком – и он поднял руки... Всё осмотрели, у него были растерянные глаза, такие: „В чем дело?“ Видно, никогда никто к нему так не прикасался. Объявили, что обыск. Все раскидали, просматривали, переворошили. Братишка, ему 8 лет было, испугался, накрылся одеялом с головой, его тоже подняли, пересмотрели кровать, книги. Обыск длился почти до самого рассвета. У нас стоят буфет в столовой, этот молодой подошел к буфету. А под блюдо большое мама положила облигации, Калинин там уже смотрел, видел эти облигации и закрыл их блюдом. Когда молодой подошел, хотел посмотреть, Калинин сказал: „Я там уже смотрел, там ничего нет“. А там остались единственные наши сбережения, эти облигации. Мы остались без копейки денег, нужно было ждать папиной зарплаты, которой уже не будет. Облигации нам очень помогли, мама их сдала в сберкаассу, мы на это пока жили...»

(видеозапись)

ОТСТУПЛЕНИЕ: ТОТ САМЫЙ КРАСИВЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ПО ФАМИЛИИ КАЛИНИН, ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ

СПРАВКА

по уголовному делу № 2675 (архив № П-3197)

К уголовной ответственности привлечены:

Завадский Федор Петрович

Синицкий Анатолий Федорович

Бугровский Иван Леонтьевич
Ермакович Александр Александрович
Яблонский Николай Сергеевич
Хомутовский Антон Романович
Околович Апполинарий Болеславович
Юницкий Адам Петрович
Гуца Эмилия Степановна
Нечепурович Мария Иосифовна

Статьи обвинения: 58-2, 58-6, 58-8, 58-11 УК РСФСР

Обвинительное заключение составлено в г. Колпашево 8 июля 193<8> года начальником Чаинского НКВД младшим лейтенантом госбезопасности Поляковым. О согласии с изложенным имеется подпись оперуполномоченного 3 отделения УГБ Нарымского окружного отдела НКВД **Калининым**. Утверждено обвинительное заключение начальника Нарымского окружного отдела НКВД лейтенантом госбезопасности Ульяновым.

К обвинительному заключению приложена справка о том, что Гуца и Нечепурович арестованы 3 июля 1938 года, другие из перечисленных лиц арестованы 20 июня 1938 года. Все названные лица содержатся под стражей в колпашевской тюрьме.

Постановлением Тройки УНКВД Новосибирской области от 4 октября 1938 года (пр. № 169) все осуждены к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 18 октября 1938 года. Определением № 333 от 7 апреля 1959 года Военный трибунал Сибирского военного округа постановление Тройки отменил и дело производством прекратил на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР за отсутствием состава преступления.

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1 лист 168)

КРАСНЫЙ ТЕРРОР (продолжение)

Г. М. НИКИФОРОВА: «До сих пор, сколько лет прошло, а я помню выражение глаз папы. Такие грустные, непонимающие: дети, не верьте, я не в чем не виноват. Закончился обыск, забрали фотографии, книги кое-какие, главное — папин блокнотик, еще со студенческих лет, который мы так любили. Там было записано, какие оперы он слушал с Шляпиным, Смирновым... Он нам так много рассказывал о них. Все взяли, говорят: „Собирайтесь“. Папа держал в руках калоши, а сам их искал...»

(видеозапись)

А. М. БОЛЬШАКОВ, бывший председатель колпашевского РИК:

«Смирнов Михаил Георгиевич? Хороший учитель был, преподавал в десятилетке. Я встретил как-то его жену, стал ее расспрашивать, а она: „Миша арестован“. А где он, что он... что нашли о нем антисоветского, не знаю. Веселый, общительный... У него было две дочки. Идет в Колпашеве на берегу, райисполком тоже на берегу. Остановимся, поговорим... Он очень дочек любил, часто гулял с

ними по набережной...»

(аудиозапись)

Г. М. НИКИФОРОВА: «Слухи ходили, что при достижении какого-то возраста и нас арестуют, и маму. У нее был узелочек уже приготовлен. Каждый стук нас в дрожь бросал. Сестра училась в Томске в медицинском институте, как только папу арестовали, через несколько дней в институте ее вызвали на комсомольское собрание и предложили отречься от отца... Она сказала: „Нет, сегодня я предаю отца, а завтра я предаю свою Родину“. Ее исключили из комсомола и из института... В нашей семье были репрессированы: папа, Александр Иванович Курбатов, участник японской войны, Чусимского сражения, работал радистом на корабле „Олег“, дядя Гоша, Виктор Дмитриевич Воскобойников, Валентин Иванович Никифоров, мой свекор. Пять человек...»

(видеозапись)

Л. С. КОНОВАЛОВ, старожил:

«Кто попадал в НКВД? Бывшие спецпереселенцы так называемые. И наши крестьяне. Обыкновенные русские мужики».

(видеозапись)

Г. А. ТИПСИН: «Панова взяли, целую семью. Его, жену, две дочери, их сына и зятя. Из одной семьи. И со всеми детьми. Когда обваливалось, там были и дети. У всех затылки прострелянные...»

(видеозапись)

Л. С. КОНОВАЛОВ: «Был у нас такой Гриша Заика. Григорий Данилович. Неграмотный мужик. Забрали. Тюнин Васька был, грамотный мужик. Забрали... Да многих! Из многих деревень свозили. А куда их девали?.. Говорят, что стояла там баржа на Кетском рейде, где речпорт. Туда свозили, на эту баржу, а потом увозили. Черт, то ли в Томск, то ли еще куда... не знаю. Вот теперь выясняется кое-где. В Тискино захоронение есть. Говорят, и в Коломено захоронение было... Мне по долгу службы приходилось организовывать в каждом сельском совете военно-учебный пункт... Был такой сельский совет Белостокский... так вот в этом Белостоке не было учебного пункта, потому что организовать его было не из кого. Все взрослое мужское население было репрессировано».

(видеозапись)

АЛЯБЬЕВ ЯКОВ НИКОЛАЕВИЧ, 1912 г. р., житель с. Победа, 10 лет колымских лагерей и 5 лет поражения в правах, приговор вынесен тройкой Особого Совецания в г. Колташеве:

«Специально оборудованные были баржи, бывшие хлебозонные, большие они. Там было не меньше трех этажей сплошных нар... Духота была! Это же июнь, июль месяц, потом как мошка поднялась, там вообще!.. Два-три люка было — вот и вся вентиляция. С этой баржи меня отвезли в КПЗ. Возили нас вообще-то не по одному, а группой. Набирали несколько человек, машины бортовые были, и привозили — в КПЗ... на территории НКВД КПЗ было, деревянное одноэтажное здание, по-моему, буквой „гэ“. Поместили в одну из камер. Ну, а из этих камер вызывали потом на допрос...»

(видеозапись)

МУРЗИНА СЕРАФИМА ФЕДОТОВНА, бывшая парикмахерша и уборщица НКВД:

«Так вот камер что ли пять было?.. Пять. А по сколько человек в каждой? По многу... чего-то очень много. Душно там было. Потому что стояли деревянные эти... параша. Как их называют, куда там ходют?.. Сливают там всякую... кати такие большие деревянные, крышками закрытые...»

(видеозапись)

По другим свидетельствам, камер было больше: шесть или семь. В одной из них и приводили в исполнение смертные приговоры.

Я. Н. АЛЯБЬЕВ: «По окончании следствия увезли опять на баржи... Обвинение было мне предъявлено как члену эсэро-монархической контрреволюционной повстанческой террористической организации. При мне было такое. Спускался к нам энкаведешник по фамилии Сидоров, раздавал тетрадные листки тем, над которыми уже закончили следствие, и на несколько человек один карандаш, чтобы писали домой письма о высылке теплых вещей. Вот. Теплые вещи — во всяком случае на баржу — не поступали. А этапы уже начали уходить. При мне ушли два этапа. По триста человек. Готовили в Павловске кипяченую воду. Это мы уже знали. И обслуга, которая там помогала, из нашего же брата, говорила, что готовится этап... Куда они уходили? Это мне неизвестно. Их уводили в основном с вечера, в ночное время, а я пошел на этап — всего около ста человек — утром. Нас привезли на пристань, высадили на берег и ждали парохода, примерно до обеда. Пришел пароход и нас этапировали в Томск... Этапировали нас на пароходе „Карл Маркс“».

(видеозапись)

ОТСТУПЛЕНИЕ: ИЗ ПИСЬМА ДЕВЯТОВА ДМИТРИЯ, РАССТРЕЛЯННОГО В КОЛПАШЕВЕ

«Фаля, я здоров, целую тебя и детей. Мне передавали, что ты в Колпашеве. Два раза писал тебе, ответа нету. Посылки не получал. С получением сего письма пришли: пальто шубное, шапку, рукавицы, пимы ста<рые>, подушку, чулки... (далее одно слово неразборчиво. — прим. В. З.) Если сможешь — рыбы соленой два килограмма. Напиши письмо: где, как живешь. Всё сложи в мешок, на мешке напиши адрес: Колпашево, НКВД, Девятову <Дмитрию Ивановичу>».

КРАСНЫЙ ТЕРРОР (продолжение)

Я. Н. АЛЯБЬЕВ: «Энкаведешник говорил: вам еще повезло, а эти пойдут без права переписки...»

(видеозапись)

Здесь края знали много лютой жестокости, о которой еще собирать и собирать по крупицам правду. Увы, не удалось переговорить со свидетелями, которые знают о судьбе иных из этапов: на баржах вешали людям на шею куски известняка и кололи штыками, сбрасывая тут же мертвых и живых еще за борт. А вот это свидетельство, как сжигали в лесу трупы (чтобы не долбить зимой землю?) приведу по наспех сделанной видеозаписи, без уточняющих вопросов. Не обесцудьте за нескладность речи, что смысл угадывается с трудом – этому старику пошел девяносто первый год...

ЗАЙКОВ ИВАН СТЕПАНОВИЧ, 1900 г. р., житель г. Колпашево, бывший конюх колпашевского НКВД:

«Мы эти зарева видали за рекой сколько раз. Ну, которые места там горели, я не знаю, а вот здесь в <Сивани> так я хоть сегодня... где вода хотя, а я знаю место крепко... Мы <со знакомым стариком> сидели в избушке, они зашли спросить дорогу: в Малиновку проехать, мясо везем. А туды дороги не было. Я-то в избе остался, а старик вышел, он с ними и говорил. „Везут вон мясо на шести лошадях“, — он мне потом сказал... (старик спросил у энкаведешников: „Что везете?“ А они в ответ: „Мясо“ — прим. В. З.) Я сам-то их не видел, как они везли, а вот видел когда они жгли. Тут уж я к ним самим подкатился... Обливали. Бочка стояла с бензином или с керосином. А дым ч-черный выворачивает клубом так! У их охрана стояла там, с той стороны, на чистом месте. И там. А в осиннике так никакого не было. Дороги-то не было. Я ведь на лыжах шел, нарты за собой тащил. Я к ним тут подъехал к самим. С горы-то покатился, а тут... вон что! Как на меня он закричал! Я — назад... Сколько трупов было? Ну... разве их сосчитаешь? Там не до счету. Ну, в два ряда они были наложены. Много. Ну, может, человек... ну, как... точно не скажу... приблизительно, может быть, тридцать...»

(видеозапись)

СЕМЬЯ ГОРНОВСКИХ

В этой семье колпашевские чекисты убили троих братьев, четвертый погиб в лагерях. Но еще раньше, в начале тридцатых, когда под корень рубили российское крестьянство, семья была ограблена советской властью и выброшена из Белоруссии в Нарым в качестве спецпереселенцев. Впрочем, здесь, в Нарымском крае, семью грабить продолжали...

ЕВТУШЕНКО-ГОРНОВСКАЯ ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА, из спецпереселенцев:

«Налог на нас большой наложили, но муж работал, я шила... Мы выплатили налог, сказали: индивидуального шестьсот рублей еще платите. Нам, хоть зарежь, уже нечем было платить, и нас за эти шестьсот пришли описать. Были овечки четыре, картошка в подполе была, машина швейная была у меня. И они описали — всё! Даже лук висел на стенке, стол, клееночка на столе, койка... Но мы уже чувствовали, что нас описывать станут, к соседям спрятали подушки, одеяла, чтоб укрыться, а что оставалось — и даже сковородку, даже вот кофейничек — все-все описали... И вот такие клинышки были из материалу, и я

сшила на стенку ковер... вот с кусочков, с клинышков. И черненьким кругом обшила. Из тряпочек этот ковер забрали. Абсолютно всё!.. А потом у меня валенки хорошие были, новые, скатанные. А я... девочка у меня была только полтора месяца, только родилась... а они все: „Валенки, — говорят, — давай!“. Я девочку взяла на руки и думаю: не имеют право с ребенком у меня валенки отобрать, а они все: „Давай валенки!“. Я говорю: „Зима, январь, куда же я деваюсь, выйду я босиком куда?“. А они двое были, один меня свалил с ребенком, другой валенки стащил — и ушли. И валенки этого жена носила... или сельсовета член он был какой-то, или председатель? нет, не председатель... И вот этот ковер из лоскутков себе на стенку привешал. А валенки его жена носила...»

(видеозапись)

ГОРНОВСКИЙ АНТОН МИХАЙЛОВИЧ, брат О. М. Евтушенко-Горновской:
«Вот они мне 19 апреля сего года (1990-го. – прим. В. З.) на мою просьбу прислать, где зарыты мои братья расстрелянные... Я так и писал им: хочу приехать и поклониться тому месту, где они зарыты... Вот они мне и пишут: „Уважаемый Антон Михайлович!“ Все подробно, кто когда арестован и прочее, и прочее, и прочее... „Братья Горновские были обвинены по статье 58-2, -6, -8, -11 УК РСФСР как участники контрреволюционной шпионской диверсионной польской организации Войсковой. Комиссия в составе НКВД, постановлением от такого-то приговорены к расстрелу. Приговоры приведены в отношении Горновского такого-то... и прочее, по именам... в городе Колпашеве. Во время следствия содержались в колпашевской тюрьме. Точное место захоронения в настоящее время, к сожалению, установить не представляется возможным из-за отсутствия об этом каких-либо документов“. Там мне еще пишут, что вы можете обратиться в Колпашевский райисполком в отношении выплаты вам двухмесячной зарплаты каждого из братьев, если вы родственник, здесь... в этот... финотдел... чтоб выплатили за конфискованные у них вещи... да что с ними делать!..»

(видеозапись)

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЕЛА ИВАНА ОВСЯННИКОВА, ОДНОГО ИЗ МНОГИХ

Наугад были выхвачены следователем томской прокуратуры А. В. Ермолаевым из архивных завалов несколько подлинных документов тех времен, копии подшиты к «колпашевскому делу». В качестве, так сказать, типичного примера. И — попадание в десятку! Фамилия человека, о котором в этих документах идет речь, значился под № 25 в опубликованном в «Колпашевском яре» списке «лиц сужденных, вычещенных — как было там написано — из партии и «классово чуждых, но продолжающих работать в аппарате окрисполкома и его отделах».

ВЫПИСКА

Утверждаю:
«начальник Нарымского окротдела
НКВД старший лейтенант госбезопасности Мартон» <подпись>

Обвинительное заключение по делу № 7127 по обвинению Овсянникова
Ивана Ивановича...

составлено 18 июля 1937 года
г. Колпашево
(согласен)

помопуп 4 отд. УГБ
Нарымского окротдела НКВД
Кох <подпись>

помощник начальника
4 отдела УГБ УНКВД
по ЗСК лейтенант
госбезопасности
<Тов>стоногов <подпись>

СПРАВКА

Арестованный Овсянников И. И. с 4 июля 1937 года находится под стражей
при КПЗ Нарымского окротдела НКВД.

Помопуп 4 отдела УГБ НКВД
Нарымского окротдела НКВД

Кох <подпись>

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, лист 169)

ВЫПИСКА ИЗ АКТА

Постановление Тройки УНКВД Запсибкрая от 25 июля 1937 года о
расстреле Овсянникова Ивана Ивановича приведено в исполнение 27 августа 1937
года.

Верно. Сотрудник оперштаба <подпись>

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, лист 170)

ЕЩЕ ОДНО ЗНАКОМОЕ ЛИЦО

А покаянные откровения некоего Ильясова помните? Как или в Нарым разрядки

на «заготовку быков» и как тот, председатель райисполкома, вместе с начальником НКВД составлял списки тех, кого надлежало уничтожить?

РАХМАТУЛИНА АЛЬБИНА АХМЕТОВНА, 1937 г. р., род. в Колпашево, татарка, беспартийная, учительница:

«О папе, Ильясове Ахмете Ахметовиче, 1896 или 1898 года рождения, я знаю следующее. Приехал он с мамой в Колпашево из Омска. От его родных примерно в 1933 году, у них были уже дети. Работал он в окружке партии. Год или два он работал в Томске. Затем он работал межрайонным инспектором по определению урожайности с подчинением какой-то организации в Томске. Затем он работал в пос. Тогур в отделе кадров леспромхозе. Умер он в 1955 году. В последнее время он сильно распивал спиртное, хотел застрелиться. Мне он говорил, что я не знаю многого. Он хотел, чтобы дети его стали юристами. В армии он не служил и на фронте не был. У него имелась бронь. Я читала статью в газете „Социалистическая индустрия“. Много сходится с тем, что статья об отце, но у меня нет сведений, что отец работал председателем райисполкома».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, лист 135)

ИЗ ПОКАЗАНИЙ СПРАГОВСКОГО

СПРАГОВСКИЙ АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ, 1925 г. р., бывший работник КГБ:

«В период с 1955 по 1960 год я занимался пересмотром архивно-следственных дел на осужденных внесудебными органами... Не вдаваясь в существо всех этих дел, определенно могу утверждать, что 99% проверенных дел были грубо сфальсифицированы бывшими работниками Томского и Нарымского отделов НКВД. Для того, чтобы разобраться в картине происходивших событий, надо поднять из архива УКГБ Томской области дело об обвинении бывшего начальника Томского горотдела Овчинникова Ивана Васильевича. В 1937–38 годах Овчинников И. В. был одним из активных участников массовых репрессий, возглавлял соревнование по истреблению граждан с Новокузнецком, был удостоен награды — ордена Ленина, а когда в период укрепления законности, где-то в 41 го^{ду} он сам был расстрелян...

Из совокупности всех собранных в этот период материалов вырисовывается следующая картина. В период, когда объявлялось начало массовых репрессий, по всем райгосорганам НКВД были составлены списки лиц, подлежащих аресту. Туда вошли бывшие колчаковцы, деникинцы, <пепеляевцы>, участники всевозможных банд, кулаки, переселенцы, люди нерусской национальности (латыши, эстонцы, китайцы, немцы и т. д), служители религиозных культов. С низовья реки Обь были заведены две баржи. Работники НКВД собрали на эти баржи согласно заранее составленным спискам лиц, проживающих в Александровском, Парабельском, Пудинском, Каргасокском, Кривошеинском, Колпашевском районах. Эти баржи с людьми поставили на якорь напротив дома НКВД, ближе к пристани, откуда по команде НКВД арестованных доставляли на допросы к следователям. В качестве плавсредств <использовались> лодки.

Здание Нарымского окротдела НКВД в то время находилось примерно в

трех километрах от берега реки Оби, однако в 1955–60 годах оно уже оказалось у самого обрыва... Рядом со зданием НКВД была площадка до трех гектаров, обнесенная высоким (до 4 метров) деревянным забором. Свидетели, которых мне пришлось допрашивать, говорили, что за этим забором покоятся расстрелянные в 37–38 годах люди. Помню показания Караваева Сергея Григорьевича, который был непосредственным исполнителем расстрелов, ныне он умерший. Тогда действовала бригада, которой для храбрости давали спирт. За забором были устроены трапы, по которым арестованные шли к вырытой яме. Подойдя до определенного места, раздавался выстрел из укрытия. Человек падал в яму. Сложилось твердое убеждение, что за тем забором захоронены были тысячи невинно осужденных людей...

Из непосредственных участников событий 1937–1938 годов в селе Петропавловке Томского района проживает Карпов Сафрон Петрович. Это активный фальсификатор тех дел и должен знать все обстоятельства, связанные с репрессиями в г. Колпашево. В свое время я предъявил сфабрикованное им дело ему для объяснений, и он, не отрицая своей причастности, пояснил, что действовал по указанию сверху с учетом той политической обстановки. В таком же плане давали показания бывшие фальсификаторы Доценко, Горбенко, Салтыманов, Печенкин и другие, которых приходилось допрашивать в связи с пересмотром целого ряда дел того периода...

До 1944 года Томская область входила в состав Запсибкрая с центром в г. Новосибирске. Все указания по ходу проведения массовых репрессий исходили из Управления НКВД Запсибкрая, во главе которого тогда стоял Мальцев. В деле Овчинникова Ивана Васильевича имеется обширная стенограмма совещания начала 1937 года, из которой видно, как надлежало проводить эти репрессии. Полагаю, что **материалы дела Овчинникова И. В. помогут восстановить историческую правду лучше, чем допросы каких-либо свидетелей... их в живых остались единицы...»**

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 108–113)

В тугой узел затянуло Колпашево человеческие судьбы! Читаем у В. Г. Фаста о Спраговском: «в 1960 году... уволен из органов КГБ в звании капитана после вынесения ему строгого выговора по партийной линии Кировским РК КПСС (первым секретарем которого был П. Я. Слезко, теперь он – заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС) „за клевету на руководящий состав органов КГБ и охаивание старых чекистских кадров“ ...» («Летопись террора», вып.2, 1990). А ведь П. Я. Слезко, обкомовский секретарь в 79-ом, тоже приезжал в Колпашево с инспекцией (но так следствием и не допрошен...)

ОТСТУПЛЕНИЕ: ИЗ ПЕРЕПИСКИ БЕЗРУКОГО И
СЛЕПОГЛУХОНЕМОГО
(люди из госбезопасности, июнь 1989-го)

Начальнику Управления КГБ
по Томской области
полковнику Ремнякову В. А.
13 июня 1989 года

В связи с проверкой обстоятельств обнаружения захоронения в
г. Колпашево Томской области просим выслать архивно-уголовное дело по
обвинению бывшего работника НКВД Овчинникова И. В. за № 56-21.

Прокурор области
старший советник юстиции
И. Н. Крутов.

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, лист 114)

Комитет государственной безопасности
Управление по Томской области
30 июня 1989 года
№ 10/10 г. Томск

Прокурору области
старшему советнику
юстиции тов. Крутову И. Н.
г. Томск

На № 13-р от 13.06.89 года.

На Ваш запрос сообщаем, что в уголовном деле по обвинению бывшего
работника НКВД Овчинникова И. В. нет материалов, которые бы прямо или
косвенно говорили бы о возможных местах захоронения жертв репрессий в 30-х,
40-х, начале 50-х годов

Начальник КГБ СССР по Томской области
В. А. Ремняков

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, лист 115)

ИЗ ПОКАЗАНИЙ СПРАГОВСКОГО (продолжение)

А. И. СПРАГОВСКИЙ: «По Нарымскому округу следует поднять дела по
обвинению бывшего начальника Нарымского окротдела НКВД Мартона и его
бывшего заместителя Галдилина, имена их не помню. Оба они привлекались
затем за нарушение соцзаконности. Галдилин был освобожден и в пятидесятых
годах работал директором завода «Металлист» в г. Колпашево. Его я допрашивал
по ряду дел, им сфабрикованных. Как и Карпов С. П., ответы давал аналогичные
Карпову.

Из числа бывших работников НКВД, принимавших участие в
фальсификации дел, помню следующих. Великанова Николая Сергеевича, до
1953 года работал начальником Управления КГБ по Томской области, затем был

назначен председателем КГБ Литовской ССР. По материалам Военной прокуратуры, связанным с его делами в Томске, он был лишен генеральского звания и всех правительственных наград и снят с работы. Слышал, что он погиб в г. Риге в автокатастрофе. Прищеп<у> Степан<а> Адамовича, бывшего начальника УКГБ по Томской области после Великанова Н. С., фальсификацией дел он занимался в Москве, где необоснованно привлек к делу по обвинению в причастности к японской разведке ряд работников наркомата внешней торговли СССР. Бывший помощник военного прокурора Сибирского военного округа И. А. Ларионов знакомил меня с материалами этого дела в 1959 году до того, как встал вопрос об освобождении Прищепы с должности начальника УКГБ и его партийной принадлежности. Где-то в январе-феврале 1960 года Прищепа был выведен из состава бюро обкома, снят с должности начальника УКГБ, ему был объявлен строгий выговор. До 1988 года Прищепа С. А. работал в системе Минсредмаша в г. Обнинске на спецкафедре. В июне умер. До 1960–1961 годов под надежной защитой Прищепы С. А. работали в УКГБ Томской области бывшие фальсификаторы в звании подполковников, возглавляя оперативные отделы, Казанцев Павел Авдеевич, **Лев Абрам Исаакович** (этого чекиста, напомним, довелось повидать собственными глазами. – прим. В. З.), Салтыманов Дмитрий Кондратьевич, Печенкин Иван Николаевич. Кроме Льва, все они умерли. Лев А. И. в 1937–1938 годах работал в УНКВД г. Новосибирска, фабриковал дела на работников партийного и советского аппарата по связям с Эйхе. Сейчас Лев А. И. проживает в Томске. В системе Управления МВД Томской области до 1960 года работали бывшие фальсификаторы Большаков Иван Васильевич, начальник УМВД, отличился в числе других по Новосибирску на делах троцкистов. Умер в Томске. Карпов Сафрон Петрович, которого я уже упоминал, был в звании подполковника, начальника отдела по спецпоселению УМВД, сейчас на пенсии. Живет в Петропавловке Томского района. Его стихия — дела по Нарымского окротделу НКВД в г. Колпашево. Ведешкин Иван Федорович. Был в те времена в г. Новосибирске, затем в Томске. Имел звание подполковника, бывший начальник Томской тюрьмы. Сейчас живет в г. Томске-7, об участии в фальсификации дел 37–38 года скрывает. Смирнов Александр Васильевич, в пятидесятых годах был в звании майора, работал в отделе Карпова по спецпереселению, затем умер. Среди фальсификаторов по Томскому району были Островлянич Григорий Васильевич и Карташов Антон (отчество не помню). Островлянич дослужился до звания подполковника, в семидесятых годах умер в Томске. Я был на его похоронах. Карташов Антон в звании майора был уволен в шестидесятых годах и работал в адвокатуре. Якобы живет в г. Томске...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 108–113)

КАРТАШОВ
(люди из госбезопасности, конец 80-х)

КОЗИНА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА, 1912 г. р., беспартийная:

«С 1964 года я проживаю в доме по улице Советской 49а-2 г. Томска. С этого

же времени знакома с Карташевым Антоном Степановичем, проживающим в этом же доме в квартире № 2а. Из разговоров знаю, что он ранее в г. Томске работал в НКВД, затем в юридической консультации Ленинского района. Он проживает с дочерью Карташевой. Дочь, наверное, не работает. <Имени> ее я не знаю. У него есть братья, сыновья. Уточняю: у него был брат, но умер. В Томске есть сыновья. Карташев физически болен, но иногда с ним что-то случается и он никого в квартиру не впускает. Иногда он и меня не впускает в квартиру. В 1988 году к нему приезжали двое мужчин. Они заходили ко мне и спрашивали о нем. Они говорили, что <оказались товарищами по несчастью,> хотели встретиться с ним. Он их не пустил в квартиру, хотя видел через окно. Я предполагала, что у него какая-то боязнь за старую работу. Он часто в квартире кричит, и это слышно у меня в квартире... Сыновей звать Александр, Анатолий. Он и их к себе домой не впускает».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, лист 134)

ИЗ ПОКАЗАНИЙ СПРАГОВСКОГО (продолжение)

А. И. СПРАГОВСКИЙ: «Неоднократно приходилось вызывать в связи с пересмотром дел **Горбенко**, имя не помню, работавшего в пятидесятых годах директором томского коммунально-строительного техникума, и Доценко (имя не помню), работавшего начальником управления топливной промышленности облисполкома. На их совести были дела, кажется, по г. Томску...

Помню такие фамилии среди фальсификаторов, как Галушкин, Дуров, Салов, Ягодкин. Однако судьба их мне неизвестна. Пересмотр дел 1937–38 годов показал, что обвинения, выдвинутые против арестованных лиц не были обоснованы, материалы были сфальсифицированы, преступные организации не создавались, в стране царил произвол и беззаконие...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 108–113)

А помните письмо Игоря Константиновича Морозова в «Колпашевском Яре», где он рассказывает о обнаружении захоронения на Каштате и том самом Горбенко? Про то как тому «наши доброты на совковой лопате подали голову в зимней шапке с истлевшим верхом»?

ВОЛКОВ

(люди из госбезопасности, годы 30-е и последующие)

Всякий раз, бывая в Колпашеве, я слышал эту фамилию: Волков Александр Данилович. Бывший сотрудник НКВД. И ловил себя на мысли, что человек этот, как-то неожиданно скоро ушедший в мир иной 68 лет от роду в тот же памятный для Колпашева 1979 год, по-прежнему притягивает к себе, мучает какой-то своей загадкой...

Л. С. КОНОВАЛОВ, <1912 г. р.>: «Был он приблизительно на год постарше меня, жили мы в квартале друг от друга. Ну, с детства росли вместе пацаны... Знали хорошо один другого. Вот в один из прекрасных дней — Александр Данилыч тогда уже, наверное, на пенсии был, и был он ярый защитник органов — говорят мне: Александр Данилыч в церковь в Тогур ездит. Я удивился: как так? Вот встретился мне сам Александр Данилыч, случайно встретились, разговорились. „Что, — говорю, — правда, Александр Данилыч, что ты ходишь в церковь к попу петь?“ — „Да, хожу. Я только теперь понял настоящую жизнь. Тут-то мы временно, мы в загробной жизни будем жить... Я теперь грехи свои замаливаю“. Разговоры-то шли, его ведь из автобуса вытаскивали, когда он в Тогур ездил в церковь. Над ним изгалялись старухи. Знали... когда эту комедию уже смыло. Тогда старухи точно знали. И он мне сказал: „Я принимал участие в расстрелах врагов народа“».

(видеозапись)

В. А. КОЛЕСНИКОВ, 1949 г. р., житель Колпашева:

«Про Сашу Волкова говорят, он расстреливал... Батин друг, десятник и охотник. По разговорам, в быту — исключительный товарищ. Любил ли я его? Конечно. Но друзей у него не было. Рассказывал все про охоту. Лисиц ловил лучше всех в городе. Когда яма обвалилась, дядя Саша в церковь пошел петь, первым голосом, в жизни бы не подумал. Говорят, встретили его, избили, потом парализовало. Он сильный был мужик, не пил, не курил. Веселый. Нет, он никогда не сознавался... Дядя Толя Родников (или «Родиков», сотрудник НКВД, о котором рассказывал Ю. А. Левицкий? — прим. В. З.) рассказывал: „Придет в НКВД, анекдоты рассказывает и уйдет днем. Когда работал никто не видел. Всю жизнь на лыжах, на соревнованиях“. Данилыч в жизни никогда бы никому не сказал. У них в доме Библия, календари церковные. Почему у него друзей не было? У него жена только одна настоящая была, везде с ней. К детям строгий был, воспитание жесткое было. Поэтому дети хорошие такие. Сын Саша на могиле обелиск поставил, издевались над могильным камнем...»

(видеозапись)

Л. С. КОНОВАЛОВ: «Ну, вот мне Александр Данилыч рассказывает: „Запомнился мне такой страшный случай, что я расстреливал парня. Пацан, парень, ну, лет 15-16... Я только прицелился — он стрелять-то классный охотник, комару в глаз стрелял, молодец! — прицелился в затылок, только нажал, а пацан обернулся. Я ему не попал в затылок, попал в ухо. Он обернулся и заорал: „Мама!“ Я его потом добил. Вот теперь стоит перед глазами, этот парень“...»

(видеозапись)

Все-таки людская молва несправедлива. Пусть каждому воздастся не только по делам, но и по сказанной им правде... Это единственный случай, когда бы колпашевский чекист — хотя бы по частному такому свидетельству — рассказал о личном своем вкладе в строительство коммунизма. И как-то остались в его тени многие другие. А бывший начальник НКВД Мартон даже числится в жертвах сталинщины, поскольку сам попал в лагерь перед войной. Но в 37-ом коммунизм он строил еще по эту сторону колючей проволоки...

МАРТОН И ДРУГИЕ
(люди из госбезопасности, 30-е годы)

МАРТОН ВАЛЕНТИНА АФНАСЬЕВА, 1941 г. р., беспартийная, род. в Алма-Атинской обл., образование среднее, работает в горбольнице, медрегистратор:

«Я проживаю в браке с Мартон<ом> Владимиром Степановичем, 1939 г. р., мне известно, что он был усыновлен. Усыновила его Мартон-Владимир<ова> Мария Степановна, 19<02> г. р., умерла в 1976 году. Мартон Степан Степанович, который был старше Марии Степановны... умер значительно ранее Марии Степановны. С ним я не была знакома. Мария Степановна говорила, что он работал в НКВД в г. Колпашево, но в 1937 году его арестовали. Мария Степановна хлопотала за него (якобы писала письмо Крупской и его возвратили из мест лишения свободы). Сама она работала в НКВД машинисткой. Позже он был восстановлен в членах КПСС и на работе в НКВД. Их родная дочь, Суханова Регина Степановна, проживает по ул. Лугинца, 28. Она работала в геофизическом тресте».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, лист 137)

СУХАНОВА РЕГИНА СТЕПАНОВНА, 1929 г. р., род. в Томске, беспартийная, образование высшее, пенсионерка:

«Мои родители мама Владимировна-Мартон, 1902 г. р., умерла в 1976 году в г. Колпашево, папа Степан Степанович 1894 г. р., умер в 1959 году. Папа мадьяр, попал в плен во время 1-ой мировой войны. Позже партизанил в районе г. Улан-Удэ. Папа принял советское гражданство. Родители устраивались на работу в ЧОН, затем в ОГПУ. Примерно с 1935 года родители работали в Колпашево в НКВД. Отец – начальником, мама – секретарем или машинисткой. До Колпашева они жили в Барнауле, Новосибирске и Омске. Папа работал там **по специальности**. 2 февраля 1938 года отец был арестован в г. Новосибирске, освобожден отец был в июле 1939 (или 1940 года). После этого он работал в Асино в лагере на <мотоблоке>. Примерно в 1940 году он ездил вместе с нами в Красно<туранский> лагерь, затем ездили в Ирдельлаг (Приполярный <круг>), где отец работал начальником санитарного отдела. С 1944 года он оставил семью и уехал в Южкузбаслаг к другу **Долгих Ивану Ивановичу** (полковнику). Там отца восстановили в партии и звании майора...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, лист 136)

...и с Долгих все подтвердилось. Герой-чекист, пострелявший загнанных в Сибирь крестьян во время чаинского возмущения, приходится родным папенькой бывшему члену политбюро¹.

С. Ф. МУРЗИНА, бывшая парикмахерша и уборщица НКВД:

«...а вот что мне запомнилось. Когда я, значит, сказала... ну, мало ли бы кому сказала, что Мартон носит собаке исть по целому ведру с кухни, где сотрудники питаются, а бедные заключенные капусту едят. Ну, там капуста или...»

¹ И успешному приватизатору Норникеля, построенного на костях политзаключенных. – прим. 2015 г.

мясо было ли или не было?.. но отвратительный запах по тюрьме ходил. Страшный. Чего там готовили, не знаю...»

(видеозапись)

Я. Н. АЛЯБЬЕВ, *колымчанин, прошел через Нарымский окротдел НКВД:*
«Да какая такая кормежка! В горло ничего не лезло».

(видеозапись)

С. Ф. МУРЗИНА: «И ему донесли, что я, значит, говорила про это дело. Он меня вызывает, Мартон этот <пресветный>, поэтому он в памяти у меня остался. „Вы говорили такие вещи?“ Я тогда под страхом была, было мне, наверное, лет двадцать... Ну, я туда-сюда... Народ заговорил: тебя снимут с работы. Но каким-то образом не посадили и не сняли...»

(видеозапись)

Ю. А. ЛЕВИЦКИЙ, *бывший работник МГБ:*

«По бумагам я знал многих, но из них лично знал только Меринова Бориса Ефимовича, который в предвоенные годы здесь работал, да еще знал Галдилина Михаила Григорьевича (умер тридцать лет назад), был в свое время начальником следственного отделения. Его арестовали в 38 году, но через полтора месяца отпустили. Тут работали Григорий Николаевич Худяков, Федоров Владимир Иванович, Карпов Сафрон Петрович, Шипулин, Кипервас, старший следователь Николай Иванович Кох, Бурчанинов, Мартон Степан Степанович (венгр, из интернационалистов), в 37-ом году арестован и десять лет лишения свободы отбывал. Был у него заместитель, был расстрелян в 37 или 38 году. Волкова Александра Даниловича я очень хорошо знал, был надзирателем в тюрьме, потом вахтером, потом ушел на пенсию. Много было разговоров о том, что он участвовал в расстрелах, но это не соответствует действительности, потому что он пришел на работу в НКВД осенью 1940 года. Вот был такой Михаил *(по другим сведениям, Серафим. – прим. В. З.)* Осипович Таранко. По рассказам, он приводил приговоры в исполнение. Этим занимался также Родиков... Весь личный состав окружного отдела НКВД косвенно или прямо участвовал в расстрелах. Например, Кох непосредственно вел все следственные дела, также и Галдилин. По-моему, еще и Кипервас».

(видеозапись)

С. Ф. МУРЗИНА, *бывшая уборщица и парикмахерша в НКВД:*

«Снабжались они в закрытых магазинах, хорошо снабжались... Ну, все было для их... Я даже, знаете... положение у меня такое было, потому что я пятнадцать рублей в то время получала, когда в НКВД работала... Только и могла, что паек выкупить. Я ходила к сотрудникам энкаведеским и дрова поколоть, или там еще чего-то сделать. Они мне давали что? Ну, если пироги стряпали — корки, объедки. Я рада была! Потому что пайку не хватало, давали очень мало по их паек. И пятнадцать рублей... Что я могла? Мне тридцать рублей вначале давали, а потом якобы — дорого. Сейчас — три рубля, а тогда — тридцать рублей. За пятнадцать согласишься работать? — то будешь. Я соглашалась. А куда пойдешь?».

(видеозапись)

ТИХИЙ ПЕНСИОНЕР ИЗ ТОМСКА (люди из госбезопасности, годы 30-е и нынешние)

А. И. СПРАГОВСКИЙ, бывший работник КГБ, из органов уволен:

«Из непосредственных участников событий 1937–1938 годов в селе Петропавловке Томского района проживает Карпов Сафрон Петрович (если быть точным, то живет Сафрон Петрович в Томске-7, ул. Свердлова, 3, кв. 15, а в с. Петропавловка у него дача. – прим. В. З.) Это активный фальсификатор тех дел и должен знать все обстоятельства, связанные с репрессиями в г. Колпашево...»
(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 108–113)

КАРПОВ САФРОН ПЕТРОВИЧ, 1912 г. р., родился в Чувашской АССР, член КПСС с 1939 г., образование высшее, пенсионер по возрасту, не судим:

«...в 1935 году я начал работать в Колпашевском райотделении НКВД в должности пожарного инспектора. Проработал 3 месяца: октябрь, ноябрь, декабрь. Затем уехал на курсы переподготовки в Новосибирск при Управлении НКВД в декабре <1935> года. Учился до мая 1937 года. В мае 1937 года проходило совещание оперативного состава Управления, на котором с речью выступал секретарь Западно-Сибирского крайкома партии. Он сообщил, что раскрыта контрреволюционно-монархическая организация, охватывающая Сибирь и Дальний Восток, и что нужно ликвидировать <угрозу заговора>. Вскоре после этого курсы переподготовки расформировали и создали группы сотрудников, которые разъехались на места в Сталинск (Новокузнецк), Томск, Кемерово, Нарым. Я попал в Нарымскую группу и приехал в Колпашево примерно 30 мая 1937 года. Я был еще прикомандирован в Колпашевское НКВД как курсант-практикант, в штат НКВД не входил. При НКВД находилась внутренняя тюрьма (примерно восемь камер). Основная масса арестованных содержалась в городской тюрьме. В мои обязанности в этот период входило производить аресты по ордерам. На аресты ходили, как правило, три человека с понятыми. Иногда ходили по два сотрудника. В ордере указывались только фамилия, имя, отчество, адрес. Ордера были санкционированы прокурором. На каком основании проводились аресты, я не знаю. Наша задача была доставить арестованного в отдел. Во время ареста производили обыски (главное, искали оружие). Что было дальше с арестованными, я не знаю. Работу с ними производили следователи. О том, что во внутренней тюрьме производили расстрелы, то есть приводили приговор в исполнение, я знал от исполнителей, сам при этом не присутствовал. Арестованных привозили из разных районов, но содержали их в основном в городской тюрьме. Проработал я здесь до ноября 1937 года и был назначен на должность старшего оперуполномоченного в СПО (секретно-политическое отделение) окружного отдела НКВД. Проработал я в этой должности до октября <1938> года, когда стали образовываться следственные отделы, в Нарымском окротделе тоже была организована следственная группа, и с 1937 года я работал старшим следователем в этой группе. В октябре 1940 года меня отозвали в аппарат Управления НКВД Западно-Сибирского края в г. Новосибирск, и я был назначен на должность старшего следователя следственного отдела. А теперь что касается

массовых расстрелов в Колпашеве. Они производились в 1937–1938 годах. Как я уже пояснил, что в расстрелах не участвовал, выполняли их, как правило, старые сотрудники – такие как Лук<и>чев, Гришин, Кох Н. И. Расстрелы осуществлялись во внутренней тюрьме, которая размещалась в здании НКВД близко от берега реки Оби. Как уже показал, что при расстрелах я не присутствовал. Знаю об этом со слов. За какие конкретно преступления расстреливали людей, я не знаю, так как приговоров и решений не видел. Где производились захоронения расстрелянных, я также не знаю.

Вопрос: Поясните, как велось следствие, кто и где утверждал решение, какой был учет арестованных, кто и каким образом уведомлял краевое НКВД о приведении приговора в исполнение?

Ответ: В тот период времени я следователем не работал, потому ничего конкретно сказать не могу. Когда стал работать следователем (в 1939 году), здесь я полностью и до конца расследовал дела в соответствии с нормами УПК. С 1942 года я работал замначальника томского горотдела МГБ Новосибирской области. А с июня 1943 года был назначен заместителем начальника Нарымского окружного МГБ. С 1944 года Нарымский окружной отдел упразднили и образовали колпашевский городской отдел МГБ, где я работал начальником, где проработал до декабря 1946 года, затем был переведен в аппарат Управления МГБ по Томской области заместителем начальника следственного отдела. В 1956 году следователь Спраговский занимался рассмотрением архивных дел на репрессированных. С ним у меня была беседа. Он меня не допрашивал, потому что никакого протокола я не подписывал. Он единственно что предъявил мне – старое обвинительное заключение 1937 года, которое подписал я за начальника отделения. Я ему ответил, что составлял ли я это обвинительное заключение или начальник отделения, я не помню, однако, как правило, все обвинительные заключения по уголовным делам составлялись и подписывались начальником отделения. Что касается меня, то в период 1937–1938 годов я никакой фальсификации по делам не допускал».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 177)

В. Ф. СКРЯБИН, бывший начальник управления юстиции по Томской области:

«К расстрелам в Колпашеве и Томске причастны С. П. Карпов и А. И. Лев, оба проживают в Томске. Ни единой действительно контрреволюционной организации вскрыто не было...»

(цит. по В. Г. Фасту, «Летопись террора», вып.2, Томск, 1990)

ИЗ ОТДЕЛЬНОГО ПОРУЧЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ОСОБО ВАЖНЫМИ ДЕЛАМ АБАКУМОВА В. С. ПРОКУРОРУ в/ч 9300 ЖИЯНОВУ В. Н.

«Бывший работник НКВД Карпов С. П. одно время в 1937–1938 году исполнял обязанности начальника НКВД Нарымского округа...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 174–175)

СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ ЗНАТОКИ (Колпашево, май 1979-го)

МЕЛЬНИК НИКОЛАЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ, 1940 г. р., начальник горотдела КГБТомска-7, в 1979 г. работал в колпашевском КГБ:

«Когда было выяснено, <что> на данном месте размещалось НКВД Нарымского округа с внутренней тюрьмой, **было сделано предположение и высказана одна из версий**, что это могло быть захоронение расстрелянных лиц, реперессированных 1937–1938 годы. После этого мне была дана команда отыскать бывших сотрудников горотдела НКВД, чтобы уточнить либо опровергнуть данную версию. Я вышел на одного бывшего сотрудника горотдела (фамилию не помню), проживавшего в Колпашево на улице Ленинградской. Оказалось, что он работал там в сороковых годах и что-либо пояснить по данному факту не мог. Впоследствии **нам так и не удалось найти кого-либо из лиц, которым что-либо было бы известно по данному факту...**»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 184–186)

КОПЕЙКО ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ, в 1979 г. – начальник горотдела КГБ в Колпашево, где Н. Е. Мельник и служил:

«От начальника управления УКГБ получил указание держать под контролем обстановку в данном районе и одновременно принять меры к установлению лиц, которым что-либо известно об этом захоронении. Я установил бывших сотрудников окружного отдела НКВД времен 37–41 года Меринова Бориса Ефимовича, Волкова Александра Даниловича, Таранко (имя и отчество не помню) и Ракитина Григория Антоновича, который несколько месяцев в 1944 году начальником был внутренней тюрьмы окружного отдела НКВД. От них я получил информацию о территории, на которой могли быть захоронения, относящиеся к периоду расстрелов 1919–1941 годов, а именно, как потом оказалось, в эти годы приводились приговоры во внутренней тюрьме окружного отдела. От Ракитина я узнал, что якобы в 1937 году производились расстрелы, но конкретных данных он не назвал, где именно и где производились захоронения. Меринов мне также ничего не рассказал. Некоторые пояснения мне дал Таранко, работавший в 1937 году надзирателем в тюрьме НКВД. От него я узнал, что на территории бывшего горотдела было несколько захоронений. Кроме них я еще разговаривал с Величко и Вяловым. Это были очень старые работники НКВД.»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 65–67)

ПАВЛЮЧЕНКО ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ, зампрокурора г. Колпашево, в 1989 г. проводил прокурорскую проверку, отбирал объяснения, в частности, у бывшего работника колпашевского НКВД Б. Е. Меринова:

«Меринов категорически утверждал, что дезертиров в годы войны в Колпашево не расстреливали, а этапировали их в Томск. Он был уверен, что в обнаружившемся захоронении находятся расстрелянные в 37–38 годы. Меринов говорил, что **в 60-х годах к нему обращался сотрудник КГБ Копейко, у него имелся план тюрьмы НКВД и на этом плане ямы с захоронениям и были показаны верно**».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, лист 116)

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЕЛА ИВАНА ОВСЯННИКОВА,
ОДНОГО ИЗ МНОГИХ

СПРАВКА

В связи с пересмотром архивно-следственных дел на участников контрреволюционной так называемой эсеро-монархической повстанческой организации, осужденных в 1937-1938 годах были допрошены бывшие сотрудники Нарымского окротдела НКВД Галдилин, Карпов, Худяков, Филиппович, Меринов, принимавших участие в расследовании этих дел.

Последние показали, что аресты граждан по обвинению в названной организации в Нарымском округе проводились согласно указаниям УНКВД Запсибкрая **по доведенным лимитам и специально разработанной схеме.**

Признательные показания обвиняемых в процессе следствия измышлялись работниками окротдела НКВД.

Каких-либо материалов, свидетельствовавших о наличии в Нарымском округе контрреволюционной эсеровско-монархической организации в Нарымском окротделе НКВД не было.

Протоколы допросов указанных сотрудников находятся в деле № 17, хранящемся в УКГБ по Томской области.

Следователь следотдела УКГБ
по Томской области лейтенант

Анохин
15 мая 1959 года

Копия верна. Оригинал находится на листе 43 дела № ПЗ237 по обвинению Овсянникова Ивана Ивановича в преступлении, предусмотренном ст. 58-2, 58-8, 58-11 УК РСФСР, т. 8.

Старший следователь Прокуратуры
Томской области

А. В. Ермолаев

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, лист 172)

МЕРИНОВ
(люди из госбезопасности, годы 30-е и 1989-й)

УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ТОМСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА

СПРАВКА

По сведениям адресного бюро значится в колпашевском ГОВД

Фамилия: Меринов
Имя: Борис
Отчество: Ефимович
Год рождения: 1914
Место рождения: —
Место работы и занимаемая должность: —
Прописан: г. Колпашево, Чапаева, дом № 20а, кв. № 7.
Выбыл:
Куда: умер а/з 122 **11.05.89**

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, лист 208)

Он умер ровно через десять лет после того, как в Колпашеве был размыт яр. В та самую весну, когда люди слышали наконец первые слова правды о Колпашеве...

*«Это ты убил его», — сказал мне историк из Томска Сергей Девянин, но это был не упрек, не обвинение, скорее — беспристрастное подведение итогов. Помнится, при этих словах тогда у меня сжало сердце, хотя я даже никогда не видел этого человека. Нет, не я его убил. Умер он — потому что **срок пришел**.*

*Многое в Колпашеве исполнилось **в срок**.*

КАЗАКОВ ФЕДОР ВАЛЕРЬЕВИЧ, 1951 г. р., род в Томске. член КПСС, образование высшее юридическое, место работы — колпашевское горотделение КГБ по Томской области, начальник:

«В г. Колпашево я работаю с 1987 года. О том, что в городе проживал работник НКВД, который работал в конце тридцатых-начале сороковых годов, мне стало известно после того, как этот работник дал интервью корреспонденту (речь идет о спешной и не слишком честной публикации в «Правде» в мае 1989 г., в которой Б. Е. Меринов назван Коньковым. — В. З.). Я установил, что этот работник — Меринов Борис Ефимович, 1914 г. р., проживал он по улице Чапаева, номер точно не помню. Я поехал к нему домой, представился ему и объяснил причину: хотел бы узнать о захоронении трупов на территории окружного НКВД. Он мне в беседе пояснил, что он окончил новосибирскую школу НКВД и в июле 1937 года в звании младшего лейтенанта был оперуполномоченным окружного НКВД в г. Колпашево, занимался оперативной работой. Сам участия в расстрелах не принимал. Поясняю, что расстрелы производил обслуживающий персонал следственного изолятора НКВД, который находился на огороженной забором территории НКВД. С его слов я понял, что в камере убирали пол, копали яму (глубиной сколько он не сказал), размеры ямы три на четыре, приговор особого совещания приводили прямо в изоляторе. По мере заполнения вновь слали пол. Он нарисовал схему этого изолятора, пояснил, что расстреливали в одной камере, в пищеблоке. Одна яма была на улице, прямо у дверей этого изолятора. Я у него пытался выяснить, кто приводил приговоры в исполнение. Он ничего не сказал. Сам <якобы> приговоры в исполнение не приводил».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 79–80)

ЕМЕЛЬЯНОВСКАЯ ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА, 1931 г. р., беспартийная, образование среднее техническое, пенсионерка:

«...после того, как у нас был корреспондент из газеты где-то в 1988–89 году, к нам приходил начальник отделения КГБ в г. Колпашево. Такой интересный стройный мужчина. Он разговаривал с моим мужем Мериновым Борисом... Часть

разговора я слышала, муж рассказывал ему, что **два раза в неделю приходили этапы по 70 и 100 человек и с ними <надо было> разделаться**. Кто был в этапах, он ничего не говорил. Он <еще> рассказывал ему, что ямы были глубиной метров пять. Когда туда ложили расстрелянных людей, то яму не засыпали, а чем-то пересыпали трупы, чтобы они не пахли. Затем туда ложили новые трупы и засыпали только тогда, когда до поверхности оставалось метра полтора».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 81–82)

ПАВЛЮЧЕНКО ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ, 1950 г. р., член КПСС, образование высшее, работает в колпашевской городской прокуратуре, зампрокурора:

«В феврале 1989 года я отбирал объяснения от Меринова Бориса Ефимовича, который в 1937–42 годах состоял на службе в органах НКВД в качестве оперативного уполномоченного в Колпашеве. Он пояснил, что в период его работы здание КПЗ на территории НКВД производились расстрелы заключенных, приговоренных к расстрелу. Сам он якобы при расстрелах не присутствовал, а о происходящем знает со слов сослуживцев. Перед расстрелом осужденных раздевали, после расстрела трупы укладывали в яму. При нем раза три приводили этапы человек по сорок-пятьдесят из пересыльной тюрьмы, а обратно никого не уводили. В этой связи он делал вывод, что все они были расстреляны. Со слов Меринова, расстрелы прекратились в марте 1938 года... Ему известно, что арестованных этапировали из тринадцати северных районов области. Здесь же содержались и бывшие участники Чаинского и Сургутского восстания, „семеновцы“. Наличие дезертиров Великой Отечественной войны среди расстрелянных Меринов исключал, так как, по его словам, их после задержания сразу же этапировали...

К нему обращались работники КГБ с просьбой показать места захоронения на территории бывшего НКВД, что он и сделал. При этом они говорили, что собираются делать эксгумацию. При себе они имели планы внутренней тюрьмы НКВД. После его <показа> это место огородили забором. При раскопках он не присутствовал, но видел, что там работал экскаватор. К своему объяснению Меринов собственноручно составил схем<у>, которая мною была приобщена к материалам проверки».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 88–89)

МЕРИНОВ БОРИС ЕФИМОВИЧ, 1914 г. р., был старшим оперуполномоченным колпашевского НКВД с 22 ноября 37 года по август 1942 год:

«Здание КПЗ состояло из 6 камер. Новосибирск утверждал, кого расстреливать. Потом из тюрьмы приводили и стреляли в НКВД. Наш бывший сотрудник Кох Николай Иванович, начальник отдела... сам принимал участие в расстрелах. Утверждал, что расстреливали из мелкокалиберного оружия. При мне приводили этапы по 40–50 человек из других мест. Обратно никого не уводили. Хоронили расстрелянных во дворе КПЗ. Ям было три. В конце хоронили там, где расстреливали, — в камерах... Фамилии оперативных работников Острavianчик, Терентьев — зам. нач. НКВД, Карпов Сафрон Петрович — начальник следственного отдела, Мелкозёров, Капарулин, Дёмкин, Шипулин Павел, Гришин (на Украине живет). В 65-ом году ко мне обращались из КГБ показать места захоронения на территории НКВД, что я и сделал. Они говорили, что для эксгумации трупов... Я исключаю, что в найденном захоронении были дезертиры

Великой отечественной войны и лица, уклонявшиеся от службы в армии. Их арестовывали в районах и отправляли в Томск».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 5–8)

КОЛПАШЕВО, ГОД 1965-ый

МИКЛИН ВАЛЕНТИН МИХАЙЛОВИЧ, 1919 г. р., родился в Пермской области, член КПСС, образование высшее, пенсионер:

«Заместителем начальника УКГБ по Томской области я работал в с 1961 по 1970 год. В тот период начальником Управления работал Макогин Григорий Иванович. Начальником 1-го спецотдела (архивы) Посякин Николай Иванович. В настоящее время он проживает в г. Новосибирске. Макогин живет где-то в г. Костроме. В тот период отделение КГБ в г. Колпашево не было, а был у нас там уполномоченный КГБ Леженко. Позднее было создано отделение. В 1965 году я собрался ехать в отпуск. Начальник Управления Макогин дал мне поручение зайти в КГБ СССР в г. Москве к начальнику 10-го отдела (архивный отдел), который в то время возглавлял генерал-майор... или Евтушенко, или как-то так назвалась фамилия, я в настоящее время не знаю. Я знаю, что его нет в живых. Макогин дал мне поручение выяснить, что делается ими по изучению и принятию решения по захоронению в г. Колпашево. Я понял, что в Колпашево вымывались трупы на берегу реки Оби, где находилось окружное здание НКВД. Я как заместитель начальника Управления располагал информацией оперативной, что в сороковые годы там производились расстрелы репрессированных. Я приехал в Москву и доложил в этом отделе начальнику отделения. Помню, что начальником отделения был полковник. Мне сказали, что они в курсе, этот вопрос решается. В тот период мне было дано задание съездить в г. Колпашево посмотреть, как вымывается берег Обью, выяснить, сколько еще осталось метров до бывшего здания НКВД, сколько еще потребуется времени на размывание рекой берега. Я поясню, что река Обь постепенно подмывала берег и смывала город. В тот период уже строилось новое здание милиции. Время точно не помню, но весной, был еще снег, я выехал в Колпашево, связался с уполномоченным КГБ Леженко, мне дано было поручение найти бывших работников НКВД из местных жителей, чтобы установить точно, были ли расстрелы, где проводились — на территории окружного НКВД или в другом месте. Могу пояснить, что берег от здания находился где-то в пределах пятидесяти метров, рядом со зданием была отгорожена территория высоким забором. По оперативным данным я установил, что из здания был вход в тоннель, расстреливали где-то в тоннеле, который находился на территории, огороженной забором. На этой территории лежал снег, дрова. Осматривали мы часа два, но конкретно я не установил место захоронения. Беседовал со старожилками, но жители тоже конкретного ничего не говорили. Я понял, что они боялись, говорили что не помнят, ничего не знают. Когда я вернулся в г. Томск, я об этом сообщил в Москву. Я сейчас точно не помню, мне или начальнику Управления из Москвы сообщили, что летом приедет группа специалистов и будет проводить работу. Летом приезжала группа вместе с тем полковником, к которому я заходил в Комитете КГБ СССР. Эта группа вместе с

начальником Управления Макогиным выезжала в г. Колпашево для изучения обстановки. Я когда был в Комитете и доложил, мне сказали, что **такие захоронения вскрываются не только у вас, но и везде по Союзу, это дело не новое, серьезное, нужны технические средства, эксперты.** Я вместе с этой группой в г. Колпашево не ездил. Они работали вместе с начальником Управления. Как я понял, из Москвы приедут люди, определятся: какое захоронение, сколько, на какой глубине, и что нужно делать. Через некоторое время — или в этот год, или на следующий год — я как раз исполнял обязанности начальника Управления, Макогин был в отпуске, мне позвонили из Москвы, чтобы я встретил бригаду вместе с генералом. Я их встретил. Это был начальник отдела № 10 (архивы). Был с ним начальник отделения, тот полковник, который приезжал ранее, выяснял, что за захоронение. Я их проводил в г. Колпашево, они работали там с неделю. Когда вернулись, то из разговора понял, что они приезжали смотреть результаты своей работы. С ними ездил начальник отделения Посякин. Я только косвенно мог догадываться, что захоронение было уничтожено. Не по оперативным данным, а из бесед с бывшими сотрудниками НКВД и старожилами города были получены данные, что якобы из здания был вход в <какой-то> тоннель, через который осужденных уводили на расстрел, на территорию, огороженную забо<ром>».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 49–50)

КОСТЫРЕВ ПЕТР ЕВГЕНЬЕВИЧ, 1920 г. р., член КПСС, образование высшее, пенсионер:

«С 1956 года по 1966 год я работал первым секретарем городского комитета партии в г. Колпашево. В 1965 году, летом, ко мне приехали два человека. Они представились, что из КГБ. Как я понял, один работник из томского КГБ, как мне кажется, был заместителем начальника Управления КГБ по Томской области Макогин, другой представился, что из Центра. Мне передали секретный пакет, на нем было пять печатей. Сотрудники сказали мне, чтобы я вскрыл в их присутствии. Я вскрыл этот пакет, там было написано, как я помню: „Уважаемый Петр Евгеньевич Костырев!“ В тексте было сказано, что необходимо провести работы, о которых расскажет приехавший товарищ из Центра. Этот товарищ из Центра мне рассказал, что в здании окружного ОГПУ–НКВД в свое время работала в 1937-ом „тройка“ и после ее вынесения приговоров в этом же здании приводил<а>сь в исполнение высшая мера наказания — расстрел. Трупы убитых выносились из здания... Для этой работы были привлечены солдаты из стройбата. Я помню, что там были солдаты по национальности из среднеазиатских республик».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 51–52)

ИЗ ПОКАЗАНИЙ СПРАГОВСКОГО (продолжение)

А. И. СПРАГОВСКИЙ, бывший работник КГБ, принимавший участие в реабилитации 50-х годов и уволенный после строгого партийного выговора «за клевету на руководящий состав органов КГБ и охаивание старых чекистских кадров»:

«Как я уже указал, пять лет подряд с определенными перерывами мне приходилось бывать в Колпашево. Каждый раз Обь приближалась все ближе к забору и постройкам вокруг НКВД. Еще бывший начальник отдела КГБ Авдотченко проявлял беспокойство о том, что будет дальше. Вскоре он умер. Уже весной 1959 года образовалась большая трещина по дороге, ведущей от горотдела к пристани. Она грозила обвалом той части берега, где была зона, огражденная забором. Помню... внизу вода несла вдоль берега кости, черепа, остатки одежды. Всем было понятно, что вода подмывает места захоронения, вернее, места расстрела. Велись разговоры об укреплении берега бетоном. Но не было ни средств, ни рабочей силы. Решили якобы так: на период подъема воды с обеих сторон поставить пикеты и ждать, пока стихия не смочет. Об этом должен знать Абушаев (по-моему, так), работавший тогда первым секретарем горкома или председателем горисполкома. Затем Абушаев работал в аппарате облисполкома. Думаю, что события того периода по обрыву берега дол<жен> помнить Давыдов Дмитрий Павлович, пенсионер УКГБ. В то время он работал в аппарате УКГБ г. Колпашево, а сейчас проживает в г. Томске. Последнее время появились данные в печати о Колпашевском яре периода 1979 года, где водометами обвалили яр и останки уносило водой. Мне думается, что это был уже завершающий процесс очищения той площадки, где происходили расстрелы».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 108–113)

КОЛПАШЕВО, ГОД 1968-ой

СНЕГИРЕВ НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ, 1946 г. р., образование высшее, работает на радиотехническом заводе, в конструкторском бюро:

«С 1963 года по 1969 год я учился в томском институте радиоэлектроники и электронной техники — на факультете управления. Летом 1968 года учился на пятом курсе. В составе областного студенческого строительного отряда в количестве пятидесяти человек поехали на стройку в г. Колпашево. Строили общежитие для медицинского училища. Материалом для общежития служил стройматериал из разобранных нами двух зданий. Одно — на пристани двухэтажное здание, когда-то принадлежало какому-то купцу. Другое здание мы разобрали, это было здание НКВД. Здание НКВД было двухэтажное, деревянное, из круглого леса, размером двадцать на сорок метров. Рядом со зданием была огороженная территория высоким деревянным забором высотой 2,7 метра. Размеры территории — 70 на 130 метров. Рядом протекала Обь. От здания до берега (до обрыва берега) было метров пятьдесят, высота берега была метров пятнадцать. Здание общежития медицинского училища <ставили> на подготовленный фундамент.

Когда мы закончили разбирать верхний этаж здания НКВД где-то в июле месяце появилось пять человек на территории, огороженной рядом со зданием НКВД. Парни были все в спортивных костюмах, все имели атлетический вид, возраст был где-то лет 35, один был постарше, ему было лет 45. У них была автомашина ГАЗ-66, крытая брезентом. Была у них бурильная установка на шасси от трактора «Беларусь». Диаметр бура был где-то 60 сантиметров. Длина бура

была где-то 3 метра. Была у них автомашинка ГАЗ с цистерной типа бензовоза. Они стали бурить (не всю огороженную территорию, а только в дальнем от здания углу на площади пятьдесят на пятьдесят метров). Бурили в шахматном порядке, скважины были на расстоянии между центрами ориентировочно 90 сантиметров. Работали они в резиновых перчатках. По выходу бура из земли отводили бур в сторону и лопаточками убирали кости в плетеную корзину. В пробуренную скважину засыпали из фанерных бочек какой-то гранулированный порошок и заливали из цистерны водой. Эту же скважину сразу засыпали и переходили к следующей. Работали они где-то дней семь. После окончания работы сделали планировку участка, бульдозер сравнял грунт. Буловики ходили за ним и собирали кости, кости куда-то увозили на автомашине. Где-то дня через... (одно слово в протоколе непонятно. – прим. В. З.) после начала их работы один из наших студентов (по-моему, Борис <Манцев>), прикинувшись простаком, подошел к ним и стал расспрашивать, чем занимаетесь, что делаете. Они представились геологами, обследовавшими берег Оби. На другой день после этого командир отряда Гальцев Владимир Григорьевич был вызван в городской комитет партии, где ему было предложено отгородить забором ту часть, где работали эти «геологи». Нам пришлось из горбыля сделать забор, за что мы получили деньги в сумме восемьдесят рублей. Я тогда понял, что эти «геологи» уничтожали тогда захоронения расстрелянных в НКВД. Об этом же говорили пожилые местные жители. Я могу уточнить, что мы работали допоздна. «Геологи» заканчивали часов в пять-шесть вечера. После того, как они переставали работать (или точнее сказать, прекращали работы), я лично подходил к засыпанным скважинам и по остаткам вещества видел, что это был гидрат окиси натрия. Это вещество применяется в фотографии как очень сильный ускоритель. Он на воздухе вначале расплывается, через несколько часов превращается в зернистый белый порошок (стиральная сода). Когда эти «геологи» закончили работу, через несколько дней прошел обильный дождь. На поверхности почвы оголились человеческие кости и предметы одежды, пуговицы. Нашли женскую гребенку коричневого цвета и гребешок двухсторонний из бычьего рога. Кости показывали своему врачу, он сказал, что человеческие».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 53–54)

ОТСТУПЛЕНИЕ: ПОСЛЕДНИЙ ТОПОЛЬ НА ОБРЫВЕ

МОНГОЛИН АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ, 1918 г. р., член КПСС,
образование высшее, пенсионер:

«В настоящее время я возглавляю колпашевский городской совет ветеранов войны и труда, из ветеранов, кто мог бы рассказать о событиях 1937–38 года, это Казанцев (его имя и отчество не помню). Он мне в беседе рассказывал, что он в 1937 году сидел в тюрьме НКВД со смертниками в камере и был осужден к трем <годам>...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 87)

КАЗАНЦЕВ ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ, 1915 г. р., родился в Алтайском крае,

беспартийный, 5 классов образования, пенсионер:

«До 1929 года я проживал в селе <Курга> Алтайского края, нашу семью в феврале 1929 года выслали в поселок <Ломовое> Верхне-Кетского района, я там прожил год и привезли в пересыльный лагерь в г. Колпашево в 1931 году. Я прожил <там> до 1932 года... перевезли <затем> в район реки Чая Колпашевского района. Там организовали колхоз, и стал населенный пункт называться Клюквенка. Там я прожил до 1937 года, в колхозе работал животноводом. В 1937 году у меня пала лошадь. Я в это время был на курсах, в селе Новоильинка Колпашевского района. Там на меня за то, что лошадь сдохла, на меня завели дело. Меня забрали в органы НКВД и привезли и содержали не во внутренней тюрьме НКВД, а в тюрьме № 2, которая находится на ул. Пушкина в г. Колпашево. Эта тюрьма стоит до сих пор и действует. Там я сидел в камере № 10, „смертная камера“. Я просидел в этой камере до февраля 1938 года, был осужден к трем годам лишения свободы, и вновь я сюда был доставлен в эту камеру. После суда я был отправлен для отбывания наказания в Дальлаг, это на Дальнем Востоке. Во внутренней тюрьме НКВД, тюрьме № 1 (которая находилась во дворе НКВД) я не содержался, был там я один раз, под конвоем, садил тополя, которые стоят по берегу реки до сих пор...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 90)

ОТ-2010 (Томск, май 1979-го)

В. П. ЧЕРЕПАНОВ, бывший капитан ОТ-2010: «Закончили дело и пошли в Томск на ремонт. Из-за работы на песке подносились втулки валов. Отремонтировали нас очень быстро, за двое суток. В Томске меня повезли в КГБ на черной „Волге“. Страх был у меня. На Кирова (в Управление КГБ по Томской области. – В. З.) завели меня в кабинет к полковнику, затем к комиссару. От имени Ю. В. Андропова вынесли благодарность и подарили приемник „Томь“, сказав, что **фирма у них небогатая...**»

(запись К. Е. Лебедева, многотиражка Томского университета «За советскую науку», № 42, 21.12.1989 г.)

При этой сцене присутствовал и упоминавшийся неоднократно секретарь обкома партии т. Бортников.

В. П. ЧЕРЕПАНОВ: «От обкома КПСС меня устно поблагодарил Бортников».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 77–81)

С. Н. КОПЕЙКИН, штурман ОТ-2010: «Эти товарищи из КГБ были у нас еще раз. Собрали команду и вручили кому подарки, а кому премии».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 172–173)

В. П. ЧЕРЕПАНОВ: «Механику подарили часы, штурману – часы, мотористам – приемник „Альпинист“, женщинам – по 20 рублей. В команде

было 16 человек. Говорили — поменьше распространяться, но народ-то видел».
(запись К. Е. Лебедева, многотиражка Томского университета
«За советскую науку», № 42, за 21.12.89)

Г. С. ЧЕРЕПАНОВА, радист с ОТ-2010: «Мне передали <20> рублей, мужу магнитола „Томь“ стоимостью 260 рублей. Другим вручили часы... штурману Копейкину и механику Соловарову».
(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 192–193)

Т. И. ЧЕРЕПАНОВА, повар с ОТ-2010: «...дали как бы премию — 15 рублей».
(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 171)

Г. С. ЧЕРЕПАНОВА: «...Соловаров болен — нарушение психики...»
(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 192–193)

В. П. ЧЕРЕПАНОВ: «В газете „На вахте“ (орган Запсибпароходства) я сам читал, что нам якобы за эту работу давали водку. Ничего подобного не было. Мы работали абсолютно бескорыстно, никто водку не давал. Выполняя эту работу, я считал, что выполняю ответственную государственную работу (задание)».
(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 77–81)

Что ж, приношу свои извинения капитану Черепанову. В газете Запсибпароходства был опубликован отрывок из «Колпашевского яра». Действительно, в том месте, где описана неудачная попытка узнать что-либо от диспетчера колпашевского речпорта А. А. Мартемьянова нечто подобное было написано. Что речников по сути дела принудили размывать берег, а для поднятия духа выдавали дармовую водку. Так от людей слышал. И показались слова их вполне правдоподобными. Числить это ответственным государственным заданием как-то на ум не пришло.

КОЛПАШЕВО, ЛЕТО 1979-ГО

БУРКОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ, начальник отделения колпашевского ГОВД, госпонадзор, принимал участие в утопление трупов:

«Берег был размывает, теплоход ушел. Я и потом выезжал уже туда, где обнаруживают трупы. Помню, что в Тогурской запони был обнаружен труп. Его уже раздуло, был как настоящий утопленник. Как я уже писал в своих показаниях, был сильный ураган, мою лодку унесло, так я ее и не нашел. После этого наша команда распалась, я дежурил у телефона на спасательной станции для выезда по вызовам, где обнаружат труп...»
(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 85–86)

ПАНФИЛОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, бывший эксперт-криминалист колпашевского ГОВД:

«В июле-августе 1979 года приходилось в составе следственно-оперативной группы (следователя прокуратуры Москвичевой Нины Ивановны, судмедэксперта Козика Вл. Матвеевича или Ушакова Мих. Алексеевича и

инспектора угрозыска Чечурова Степана Флегонтовича) выезжать на место обнаружения трупов. Дело в том, что большая вода разнесла трупы по пойме далеко от места захоронения. Они застревали в кустах и несколько трупов было обнаружено на покосах. Об этом сообщили дежурному, и мы выезжали на место происшествия. В случае, если обнаруживали труп в холщевой рубашке и кальсонах и с отверстием в затылке, то никаких следственных действий не проводили. Труп просто хоронили. А Чечуров С. Ф. (он постоянно выезжал с нами) рапортом докладывал в КГБ о месте захоронения. В июне-августе 1979 года по заданию горкома партии я снимал берег реки Оби в черте города. Съемка производилась фотокамерой с вертолета. На одном из снимков есть место захоронения спустя два-три месяца со дня обнаружения первых трупов. Этот — и он единственный снимок места захоронения — есть у меня в альбоме. Его и прилагаю к протоколу.

Со слов бывшего начальника охраны общественного порядка Куксенко Ю. М., ныне покойного, я узнал, что в месте захоронения было вымыто около полутора тысяч трупов. Он в то время занимался организацией групп, дежуривших на реке и по берегу. Ему были, видимо, известны эти цифры».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 20–22)

ПОПОВ ВЛАДИМИР ВАЛЕРЬЕВИЧ, *следователь колпашевского ГОВД:*

«В середине июня меня пригласил к себе в кабинет начальник отдела подполковник Лепешкин А. Н. и приказал мне 15 июня на теплоходе ехать в командировку в поселок Стрежевое. Я пришел на теплоход в районе Песков. На теплоходе мне объяснили, что в Стрежево<е> мы не поедем, а предстоит работа на реке в районе города Колпашево. Также мне объяснили, что наша цель отыскивать трупы людей, разнесенные паводком по берегам и лугам и закапывать в землю. От Колпашева по берегам мы начали поиск, прочесывая местность. На теплоходе находились работники КГБ во главе с полковником Бусыгиным. Сколько было людей, находившихся на теплоходе за прошествием одиннадцати лет, сказать не могу. Основную массу трупов мы находили на лугу за поселком <Шпальным>. Сколько мы нашли и закопали, сказать затрудняюсь, но не более двадцати человек. Затем мы работали в районе городского пляжа. Закапывали в песок различные части человеческих костей... Работал я с группой до конца июля. Затем они уехали. Приехали взамен их еще два сотрудника, и с которыми я работал до октября месяца. Наша задача была в том, чтобы отыскивать человеческие кости и закапывать в песок. Район работы — городской пляж. Трупы в основном были скелетированные, обтянутые кожей, цвет восковой».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 102–103)

ЩЕТИНКИН ВАЛЕРИЙ ДМИТРИЕВИЧ, *судмедэксперт:*

«31 июля 1979 года я приехал работать в колпашевское отделение томского областного бюро СМЭ судмедэкспертом. В августе этого же года вместе с оперативно-следственной группой выезжал на труп, который был обнаружен на берегу реки Обь. Я выезжал вместе с оперуполномоченным Чечуровым, так как труп был неизвестен. Один раз выезжал на труп в это же время со следователем прокуратуры Москвичевой. Труп был частично разложившимся, мягкие ткани были не сгнившие, а дряблые, частично на теле сохранилась одежда, похожая на нижние белье, кальсоны, рубашка. Запаха от трупа практически никакого не было. Мягкие ткани на черепе практически отсутствовали. В затылочной части

череп имелось отверстие с относительно ровными краями, похожее на огнестрельное оружие. Оружие, которым причинены были огнестрельные ранения в голову, возможно, относилось к пистолету „наган” или другому оружию данного калибра. Срок наступления смерти трупа определить практически было невозможно, хотя было видно, что труп не свежий. Причиной смерти трупа явилось огнестрельное ранение в голову. Всего на такие трупы с аналогичными огнестрельными ранениями я выезжал пять или шесть раз. Хоронили их здесь же, на месте обнаружения, так как на этот счет имелось установка от руководящих органов: если труп был вымыт из яра на месте бывшего здания НКВД, их хоронить на месте обнаружения. Кто конкретно давал такие указания, я не знаю».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 137)

В. С. ПОПОВ: «Кто бы они не были, враги народа или дезертиры, прежде всего они христиане и наши соотечественники. Что-либо добавить еще не могу...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 102–103)

КОЛПАШЕВО, ГОДЫ 80-е

КАРПОВ ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ, *замначальника отдела колпашевского ГОВД:*

«...в дальнейшем на протяжении ряда лет трупы, которые были вымыты из под яра, всплывали <посередине> рек Обь и Кеть. На трупы выезжал старший оперуполномоченный Чечуров С. Ф. И если труп показывался из-под яра, то его предавали земле в районе обнаружения».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 140–141)

ПАВНИН ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ, *1960 г. р., беспартийный, 10 классов образования, милиционер-водитель колпашевского ГОВД:*

«В городе Колпашево я проживаю с 1982 года и с этого времени работаю в органах милиции. До этого в этом городе я на проживал. Когда стал работать в милиции, от сотрудников узнал, что на берегу реки Обь... в 1979 году было обнаружено и теплоходами размыто захоронение... Я бывал на этом месте в 1984 году, это было в начале лета. Там был очень высокий яр, где-то около двадцати метров. Когда ушла вода, то обнажился пологий берег. Числа я не помню, но тогда я был в патруле, когда я спускался с яра к воде, то там у воды были ребятишки. Вода ушла и на этом месте обнажились или, точнее сказать, были высыпаны кости. Ребятишки натаскали гору костей <где-то> с один кубический метр, так их сложили горкой. Кости были человеческие. Я запомнил, что были остатки ключиц, челюстей, черепа, берцовые кости. Об этом я сообщил дежурному. Эти кости были вымыты водой из яра. Со слов сотрудников, я знаю, что после размыва берега высыпали на это место одну или две баржи гравия. Дня через два я вновь проезжал на автомашине по улице Дзержинского утром <и> увидел, что у одного парнишки в возрасте 10–11 лет на палке человеческий череп. Я подъехал к ним. В черепе увидел круглое отверстие в затылке — как от пули —

и забрал его у них... Ребятишки рассказали, что нашли его на берегу, где размывали раньше захоронение. Они находились от яра в метрах ста пятидесяти – двухстах. Я этот забрал у них череп и хранил у себя. В настоящее время я его добровольно выдаю следователю прокуратуры Новосибирской области. Этот череп никаким механическим, химическим воздействиям не подвергался. Череп как был, так и остался темно-коричневого цвета. Челюсть была прикручена кусками проволоки. Как я понял, это челюсть от другого скелета человека. Могу сказать, что, по-видимому, это сделали ребятишки, которые играли им. Про подростков я ничего определенного сказать не могу. <Поименно> я их не знаю, возраст был где-то 10–11 лет. Со слов жителей, я знаю, что там каждый год после ухода воды на берегу остаются кости человеческие. Это ни для кого из жителей г. Колпашево не новость. Все привыкли к этому».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 77–78)

ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Областное бюро судебно-медицинской экспертизы
ул. Немировича Данченко, <12>

Заключение эксперта судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств № ФТ421 на основании постановления следователя прокуратуры Новосибирской области Абакумова В. С. 18 октября 1990 года в физическом отделении лаборатории бюро судебно-медицинской экспертизы областного бюро СМЭ Новосибирского здравоохранения Министерства здравоохранения РСФСР судебно-медицинским экспертом-химиком отделения судмедэкспертом бюро Филипповым А. А., стаж один год, категории нет, проведена экспертиза по двум черепам, челюсти, 10 штук костей различной конфигурации по делу, возбужденному по факту обнаружения захоронения 1 мая 1979 года реки Оби в г. Колпашево Томской области.

Экспертиза начата 16 октября 1990 года,
окончена 27 декабря 1990 года.

1. Оба черепа, нижняя челюсть и фрагменты трубчатых костей большеберцовой и плечевой принадлежали скелету человека.
2. Костные останки могли принадлежать не менее двум лицам мужского пола.
3. Возраст лиц, которым принадлежали черепа и нижняя челюсть мог состоять 30–40 лет.
4. Давность наступления смерти установить не представляется возможным ввиду того, что неизвестно, в каких условиях находились костные останки.
<...>
6. Повреждения в затылочных областях черепов лиц мужского пола является огнестрельными входными пулевыми и образованы при выстреле из огнестрельного оружия пулями, несшими в своем составе свинец.
7. Калибр пуль мог составлять 7,6 мм.

8. Повреждения на фрагменте большеберцовой кости человека образованы от действия твердого предмета, обладающего рубящим действием.

<...>

судмедэксперт А. Филиппов

ПРИЛОЖЕНИЕ: к заключению прилагаются четыре фототаблицы с девятью фотографиями и шестью контактограммами.

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫСШЕЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ
(из анкетных данных К. М. Иванова,
генерал-майора КГБ СССР в отставке)

Начальнику следственной части
Прокуратуры г. Ленинграда
06.11.90
18-49-п-90

23.10.90 года Вам в порядке ст. 132 УПК РСФСР было направлено отдельное поручение о допросе в качестве свидетеля бывшего начальника Управления КГБ СССР по Томской области Иванова К. М. Для розыска Иванова К. М. дополнительно сообщаю его биографические данные.

Генерал-майор Иванов Ким Михайлович родился 4 января 1931 года в г. Ленинграде, русский, член КПСС с 1951 года. В 1964 году окончил юридический факультет Ленинградского университета. Работал секретарем Ленинградского Промышленного обкома ВЛКСМ. С 3 августа 1964 года зачислен в кадры КГБ и назначен заместителем начальника Управления КГБ по Ленинградской области. С 20.05.70 года по 09.01.86 года работал начальником Управления КГБ СССР по Томской области. После увольнения выехал на постоянное жительство в г. Ленинград. Домашнего адреса нет.

Если возникнут трудности в установлении места жительства гр. Иванова К. М., прошу в соответствии со статьей 127 УПК РСФСР поручить органу дознания установить место жительства свидетеля.

Следователь по особо важным делам
младший советник юстиции

Абакумов В. С.

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 114)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

от 27 ноября 1990 года
Ленинград

следователь Прокуратуры г. Ленинграда по особо важным делам младший советник юстиции Бобровская М. Ф. в помещении Прокуратуры Ленинграда,

ул. Якубовича, д. 4, с соблюдением требований статей <...> допросил в качестве свидетеля Иванова К. М.

О себе сообщаю следующее:

Фамилия, имя, отчество: Иванов Ким Михайлович

Год рождения: 04.01.1931

Место рождения: Ленинград

Принадлежность к КПСС, ВЛКСМ: член КПСС с 1951 года

национальность: русский

родной язык: русский

образование, специальность: высшее юридическое

место работы, должность: управление по обслуживанию иностранных представительств, аккредитованных в Ленинграда, начальник...

судимость: не судим.

Допрос начат в 16-00, закончен в 18-40.

На заданные мне вопросы могу сообщить, что сведения, о которых пойдет речь, на мой взгляд, не являются государственной, служебной или партийной тайной. По существу дела мне известно следующее:

В период с мая 1970 года по январь 1986 года я работал начальником Управления КГБ СССР по Томской области. В 1979 году после Первомайской демонстрации мне позвонил начальник городского отдела КГБ Колпашева тов. Копейко В. Н. и сообщил, что на правом берегу реки Оби, в черте города произошло обрушение берега вследствие подмыва его рекой и обнажилось какое-то захоронение. Получив такое сообщение, я немедленно дал указание своему заместителю тов. Татаркину Н. А. выехать на место и там совместно с городским отделом КГБ и милицией разобраться в случившемся. Одновременно я поставил в известность прокурора города Томска тов. Князева А. И., начальника отдела КГБ СССР генерала-майора Фокина А. И., второго секретаря обкома КПСС Томска Мельникова А. Г.. Указанный случай был предметом рассмотрения целого ряда организаций. Ни лично я, ни какие-либо другие работники КГБ единолично никаких решений не принимали. Следует отметить, что когда произошло обрушение берега и обнажилось захоронение, то высказаться сразу и определенно о том, что представляет собой обнаруженное захоронение никто не мог. Было две версии. Во-первых, версия о том, что захоронение относится к периоду 1937 года, так как ранее на этом месте находилось здание НКВД и захоронение было практически под его фундаментом. Второй версией было предположение, что захоронение относится к периоду войны 1941-1945 года, так было известно, что в этих местах скрывались и были обнаружены группы дезертиров. Эти версии проверялись. В частности, нами было запрошено Управление КГБ по Новосибирской области, так как до 1944 года Колпашево входило в Новосибирскую, а не в Томскую область. Запрос я делал телефонный и получил ответ, что у них никаких данных об этом захоронении нет. У нас были также сведения, правда, неточные, что в двадцатые годы на этом месте базировалась контрразведка Колчака. Нами с помощью судебно-медицинской службы было выяснено, что трупы из захоронения (они были захоронены где-то близко к вечной мерзлоте) могут относиться к концу 30-х — началу 1940-х годов. Здесь еще следует учесть, что нами совершенно поначалу не представлялись

масштабы обнаруженного захоронения, ведь на обрушившемся склоне просматривались трупы в количестве, исчисляемом примерно с десятков. Я хочу еще отметить, что никем не скрывалось обнаруженное захоронение, да и скрыть его было просто невозможно. Городок Колпашево небольшой, захоронение в черте города просматривается с реки, по которой проходили теплоходы, в том числе и с туристами. Никакого оцепления района не делалось. Единственно, что было принято решение об ограждении опасной зоны, так как в любой момент берег мог вновь обвалиться. Эта же причина, кстати говоря, создавала и сложности решения задачи с перезахоронением трупов. Надо отметить, что если ранее обнаруживались захоронения в Томской области (например, при строительных работах), то останки вывозились в другие места и перезахоранивались. В данном же случае сделать это было невозможно, так как вести раскопки на склоне, который в любой момент мог обвалиться мы не могли. Я сейчас не слишком хорошо помню даты того периода времени, но, как мне помнится, с 1 по 6 мая 1979 года все работы с выяснением обстоятельств данного захоронения на месте вел мой заместитель Татаркин, но 6 мая он был вынужден выехать за пределы области в связи со смертью матери. С 10 мая 1979 года к выяснению обстоятельств и принятию мер более активно подключился и я. Мне позвонил заместитель начальника 5-го отдела Управления КГБ СССР по Томской области <под>полковник Давыдов Д. П. и сказал, что, на его взгляд, единственный выход из создавшегося положения — это подмыть берег и, спровоцировав обрушение большой массы земли, утопить ею трупы в воде. Это было только его предложение. Этот вопрос, повторяю, решался и другими организациями. Вот, например, **я прочитал в газете „Известия“ от 23 ноября 1990 года в заметке „Не вскрыть, а скрыть“ о том, что тогдашний первый секретарь колпашевского горкома партии Шутов В. якобы не имел особого отношения к данному случаю. Это неправда. Данная ситуация обсуждалась на собрании парт<хоз>актива.** Все были в курсе событий. По-моему, 18 мая 1979 года приступила к работе команда теплохода, в задачу которого входила размывка берега работой винтов. **Работа команд теплохода, я полагаю, оплачивалась из городского бюджета.** Органы КГБ никакого отношения к непосредственной организации работы теплохода, оплаты команды отношения не имели, хотя, конечно, на теплоходе присутствовал полковник КГБ Петроченко Н. И., который наблюдал за работами. Мы рассчитывали, не зная масштабов захоронения, что рухнувшая масса земли завалит трупы, но захоронение оказалось значительней, чем мы думали, поэтому теплоход вместо предполагаемых трех-четырёх дней работал еще дней семь. Было решено работать до полного убеждения в том, что в реку спущены все трупы из захоронения. Следует отметить, что основная масса трупов, как и предполагалось, оказалась завалена землей при обрушении при подмыве берега винтами теплохода. Но часть трупов поплыла по реке. На этот случай ряд групп, состоящих из работников милиции и работников КГБ дежурил на реке. Сколько было таких групп, их численность и на каких плавучих средствах они были, я просто не знаю. Этими вопросами занимался Давыдов. Эти группы прибывали трупы к берегу и захоранивали. Никаких грузов к трупам не привязывали и с помощью грузов такие трупы в реке не топили. Мне таких фактов неизвестно. В дальнейшем были единичные (думаю, не более десятка) случаи, когда после отлива по берегам реки обнаруживали трупы. Эти трупы также захоранивали.

Это, я думаю, не сложно проверить и подсчитать, так как на каждый случай обнаружения трупов в районе берега выезжала следственная группа и судмедэксперт и картина выяснялась после осмотра трупа на месте. Повторяю, что таких трупов было очень немного. Таким образом, отвечая на поставленные мне вопросы, я могу ответить следующее:

1. Кем и почему <было решено> уничтожить это захоронение?

Ответ: Решение принималось совместно как городскими властями, так и партийными органами, КГБ и милицией, а также органами прокуратуры. Никто единолично никаких распоряжений не давал. Захоронение было уничтожено именно таким путем, потому что произвести это иначе по вышеизложенным причинам было невозможно именно из-за необычности местообнаружения захоронения: высокий крутой яр, который каждую минуту мог вновь обрушиться.

2. Кого из работников ЦК КПСС и КГБ ставили в известность об обнаружен<ии> захоронения?

Ответ: Никого из работников ЦК КПСС я в известность об этом захоронении не ставил. Еще раз повторяю, что я поставил в известность о захоронении генерала-майора КГБ СССР Фокина А. И.

3. Кто из руководящих работников КГБ приезжал из Москвы и для какой цели?

Ответ: Из Москвы прилетел генерал-майор КГБ СССР Фокин А. И. Целью его присутствия на месте событий было стремление также разобраться в ситуации, проконтролировать, действительно ли принятое решение единственно возможное.

4. Почему за проделанную работу выдавались премии, ценные подарки и от имени Андропова Ю. В. выносилась благодарность?

Ответ: Могу сказать, что никаких благодарностей от имени Андропова никому не выносилось. Что же касается премий и ценных подарков, то приказом за моей подписью был материально поощрен коллектив теплохода, а капитан теплохода поощрен ценным подарком – магнитолой. Я принял такое решение, потому что коллектив команды теплохода выполнял морально тяжелую работу, приложил все силы для скорейшего ее выполнения.

5. Какова роль Лигачева Е. К. в уничтожении захоронения репрессированных граждан?

Ответ: Лигачев к данной ситуации не имел никакого отношения, да и не мог иметь, так как в мае 1979 года находился в отпуске. Он в тот период времени являлся первым секретарем томского областного комитета партии. Я по вышеуказанной причине (нахождение его в отпуске) не ставил его в известность о случившемся, а поставил в известность об этом второго секретаря тов. Мельникова. На место событий приезжал и секретарь томского обкома партии тов. Бортников. В вышеупомянутой заметке в газете „Известия” указано, что на место событий приезжал заведующий орготделом томского обкома партии Вологдин Е. А. Но я этого просто не помню. Возможно, он и был на месте. Не могу ни утверждать, ни отрицать этого.

6. Для какой цели вместе с вами на место в город Колпашево выезжал секретарь обкома партии Бортников А. И.?

Ответ: Бортников выезжал для партийной поддержки в принятии решений по данному вопросу, так как, повторяю, ситуация обсуждалась коллегиально. На дополнительно поставленные вопросы я сообщаю, что ни

Суслова, ни Андропова я об обнаруженном захоронении, о каких-то решениях по этому вопросу, о премиях и ценных подарках в известность не ставил. Лигачева также по всем перечисленным моментам в известность не ставил. Извещал ли Лигачев Суслова или Андропова об обнаруженном захоронении, я не знаю.

Прочитав свои показания, я прошу дополнить, что обнаруженное в результате обрушения берега реки Оби захоронение могло быть и захоронением трупов 1937 года, так и захоронением трупов времен войны 1941–1945 года. Могло быть и тем, и другим. Кстати говоря, я до сих пор не знаю, какие именно группы людей, к какому периоду относящиеся там были захоронены.

Прошу также дополнить и внести следующие исправления в текст. Когда товарищ Давыдов позвонил мне и сказал, что, по его мнению и мнению речников, которые также привлекались для решения проблемы с захоронением, единственным выходом будет подмыть и обрушить берег, то он находился в этот момент прямо на месте событий, то есть в Колпашеве.

Прошу исправить, что теплоход работал всего семь дней, то есть мы предполагали, что подмыв и обрушение берега винтами теплохода будет разовой акцией, делом буквально одного дня, но теплоходу пришлось работать три-четыре дня, а затем еще дня три для страховки тщательности проведения работ.

С моих слов записано верно и мною прочитано

<подпись>

27 ноябрь 1990 года

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 117–119)

СУДИМОСТЬ: НЕ СУДИМ

(из анкетных данных Е. К. Лигачева, пенсионера)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

от 19 ноября 1990 года

Москва.

Следователь по особо важным делам Прокуратуры г. Москвы старший советник юстиции Шпеер А. Л. в Мосгорпрокуратуре допросил в качестве свидетеля

Фамилия, имя, отчество: Лигачев Егор Кузьмич

месяц, год рождения: 29 ноября 1920 года

гражданство: СССР

национальность: русский

родной язык: русский

место рождения: Новосибирская область, Чулымский район,
дер. Дубинкино

семейное положение: женат
место работы: пенсионер
домашний адрес: Москва, ул. Косыгина, дом 10, кв. 5
телефон: -
награды: ордена и медали СССР
судимость: не судим

<подпись Лигачева>

По существу дела показываю следующее:

Первое сообщение об обнаружении захоронения на берегу реки Обь в городе Колпашево Томской области я получил в начале мая 1979 года от начальника Управления КГБ по Томской области Иванова К. М. Он сказал, что в связи с бурным паводком в Колпашево стал обваливаться берег и <обнаружились> останки погибших, о чем он проинформировал КГБ в Москве. Я спросил, известно ли, что это за захоронение. Иванов ответил, что никто ничего не знает, хотя очевидно, что речь идет не об обычном захоронении. Точнее, я сказал бы так: когда Иванов мне докладывал о случившемся, еще не было подробностей, которые могли бы свидетельствовать с несомненностью о том, что это захоронение людей репрессированных. Уже впоследствии, после завершения операции по ликвидации этого захоронения, Иванов говорил <мне>, что судя по всему там были захоронены люди, репрессированные в период гражданской войны, а также в период 37-х годов. Однако, по словам Иванова, никаких документальных свидетельств на этот счет обнаружить не удалось. И кто, и при каких обстоятельствах был захоронен в Колпашево, так и осталось неизвестно. Но возвращаясь назад. После первого <же> сообщения я тут же позвонил в ЦК товарищу Сулову с тем, чтобы сообщить о случившемся. У меня все-таки после первой же информации Иванова сложилось ощущение, что это не рядовой случай. Сулов сказал мне, что ему уже звонили из КГБ и партийным комитетам вмешиваться в это дело не следует. Пусть всем этим занимается КГБ. В тот же день состоялся мой разговор с председателем КГБ Ю. В. Андроповым. То ли я ему позвонил, то ли он мне. Андропов сказал мне, что действительно этой проблемой будет заниматься Центр и местные органы КГБ. Хочу отметить, что ни обком КПСС, ни колпашевские партийные органы никакого участия в мероприятиях по ликвидации захоронения не принимали. По завершении этой «операции» Иванов доложил мне о ее итогах и больше к этому вопросу я не возвращался. Характерно, что никаких заявлений или жалоб в связи с этим событием, во всяком случае в обком партии, не поступало.

Отвечая на конкретные вопросы, могу сказать следующее: никаких решений о ликвидации захоронения я не принимал, а как уже сказал, этим занимались органы КГБ в Москве и на месте. Как все это происходило, я не знаю. Не знал я и как технически это осуществлялось уничтожение захоронения. Я узнал об этом только много лет спустя из газетных публикаций. Бортникова или кого бы то ни было из работников аппарата обкома я не направлял в Колпашево в связи с обнаружением захоронения. В частности, с Бортниковым я даже не разговаривал никогда <об> этой проблеме. Снова возвращаясь к своим разговорам с Ивановым. Он настойчиво повторял, что разобраться с этим захоронением надлежит им, а партийным органам не следует в это вмешиваться. Он даже несколько раз повторял это: не нужно партийным органам заниматься этой проблемой. На вопрос, почему не было произведено перезахоронение

трупов, могу ответить так: в то время в стране был период свертывания реабилитационного процесса и не могло быть даже речи о предании гласности случившегося. По сложившемуся тогда порядку такие мероприятия старались осуществить без привлечения общественного внимания и, соответственно, и мне не приходило в голову как-то изменить установившейся порядок. Я также считал, что партийным органам не следует в это вмешиваться и, как само собой разумеющееся, полагал, что это дело КГБ.

Теперь по прошествии лет и таком резком изменении нашего общественного сознания, когда многие вещи, проблемы стали пониматься совершенно по-другому, конечно же, никто так не поступил бы с захоронением. Конечно же обнаруженный могильник надо было аккуратно разобрать и перезахоронить останки погибших вне зависимости даже от того, кто там похоронен, не говоря уже о том, что там, как стало теперь известно, захоронены жертвы репрессий тридцатых и последующих годов. Теперь о случившемся можно только сожалеть, изменить что-то, к сожалению, сейчас уже нельзя.

Записано верно, мною прочитано

Лигачев

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 123–124)

ИЗ ПРЕССЫ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ

7 ноября 1990 г., как бы по случаю профессионального праздника т. Лигачева и его же 70-летнего юбилея, «Литературная газета» опубликовала фрагменты моих публикаций в «Гранях» и «Посеве» – к сожалению, без естественной на то ссылки и под нескладным заглавием и даже без уведомления автора о своих намерениях. Вслед за этим появились заметки в «Комсомольской правде» и «Известиях».

Е. К. ЛИГАЧЕВ: «„Сенсационное“ сообщение прокуратуры Москвы о моем посещении следователя и даче показаний я считаю не совсем правильным. Я видел в этом свой гражданский долг, понимал, что люди хотят разобраться в этом непростом деле. Я знал об обрушившемся могильнике. Должен сказать, что ни партийные комитеты Колпашева, ни обком партии ни прямого, ни косвенного участия в тех работах не принимали, они велись специальными органами. О том, как проводились работы в 79-ом году, я узнал из публикаций. Я хотел бы, чтобы вы учли ту обстановку, ситуацию в те годы: происходило свертывание деятельности по реабилитации незаконно репрессированных в годы Советской власти. И все, что было связано с этим, было на крепком замке, в том числе и для партийных органов».

(из «Комсомольской правды» от 24.11.90)

ШУТОВ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ, в 1979 году – первый секретарь колпашевского горкома партии):

«Был ли причастен к этому первый секретарь Томского обкома КПСС

Е. Лигачев? Не знаю. Гражданские власти и коллективы, парторганизации не были задействованы».

(из «Известий» от 22.11.90)

КРУТОВ И. Н., прокурор томской области, в свое время отказал в возбуждении уголовного дела по Колпашеву:

«Об участии Лигачева в руководстве «размывом» тоже ничего конкретного сказать не могу. **Никто** из опрошенных его фамилию не называл».

(из «Известий» от 22.11.90)

ХОЗЯЕВА ТОМСКОЙ ТАЙГИ (ложь несчетная)

ШУТОВ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ, бывший первый секретарь колпашевского горкома КПСС:

«Вся операция по ликвидации этого захоронения прошла под руководством и их силами работников КГБ. Решение о размыве этого захоронения не обсуждалось и не принималось местными органами власти. Единственно, что мы сделали, это провели партийно-хозяйственный актив, на первоначальном этапе организовали огораживание, были привлечены дружинники из числа актива, которые дежурили на берегу, чтобы не подходили к этому месту **любопытные**».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 55)

ИВАНОВ КИМ МИХАЙЛОВИЧ, бывший начальник УКГБ по Томской области:

«...я поставил в известность прокурора города Томска тов. Князева А. И., начальника отдела КГБ СССР генерала-майора Фокина А. И., второго секретаря обкома КПСС Томска Мельникова А. Г.. Указанный случай был предметом рассмотрения целого ряда организаций. Ни лично я, ни какие-либо другие работники КГБ единолично никаких решений не принимали... Вот, например, я прочитал в газете „Известия“ от 23 ноября 1990 года в заметке „Не вскрыть, а скрыть“ о том, что тогдашний первый секретарь колпашевского горкома партии Шутков В. якобы не имел особого отношения к данному случаю. Это неправда. Данная ситуация обсуждалась на собрании парт<хоз>актива. Все были в курсе событий...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 117–119)

В. Н. КОПЕЙКО: «...я поставил в известность бывшего первого секретаря Шутова Виктора Николаевича, председателя горисполкома Молькина Василия Гергиевича».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 65–67)

В. Г. МОЛЬКИН: «В ту весну я занимался посевными делами в совхозе „Первомайский“. В мае месяце я прилетел на вертолете из совхоза. Я видел, что теплоходом размывают берег в районе пристани. Когда я ехал из аэропорта, то поинтересовался. На теплоходе мне один гражданин, одетый в штатское, сказал: „Идите, идите“. Я поинтересовался у начальника отделения КГБ в Колпашеве

Копейко, что там такое, почему теплоход работает. Мне ответили: „Занимайся хозяйственными делами. Это вас не должно интересовать”».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 62–63)

Н. И. ПЕТРОЧЕНКО, бывший начальник отдела УКГБ:

«...решался вопрос о происхождении захоронения, размерах захоронения и способах ликвидации. Присутствовали при разговоре начальник УКГБ Иванов К. М. и прокурор области Князев А. И. Я понял с их слов, что **эти вопросы оговаривались в обкоме партии ...**»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 163–165)

В. Н. КОПЕЙКО: «В настоящее время мне известно, что по данному факту был **хорошо осведомлен** первый секретарь областного комитета партии Лигачев Егор Кузьмич. Он давал указания по осуществлению мероприятий по ликвидации захоронений».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 65–67)

К. М. ИВАНОВ: «Лигачев к данной ситуации не имел никакого отношения, да и не мог иметь, так как в мае 1979 года находился в отпуске».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 117–119)

А. И. БОРТНИКОВ, бывший секретарь обкома: «1 мая 1979 года я был на демонстрации, стоял на трибуне на площади Революции. Меня попросил после демонстрации зайти в областной комитет партии первый секретарь Лигачев Егор Кузьмич... Секретарь сообщил мне, что в кабинете Лигачева находится начальник Управления КГБ по Томской области Иванов Ким Михайлович. Когда я зашел в кабинет, Лигачев предложил мне 2 мая выехать в г. Колпашево вместе с Ивановым...»

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 60–61)

Е. К. ЛИГАЧЕВ: «С Бортникова или кого бы то ни было из работников обкома я не направлял в Колпашево. В частности, с Бортниковым я даже не разговаривал никогда <об> этой проблеме».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 123–124)

ЛЕПЕШКИН АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ, бывший начальник ГОВД:

«Мне Бортниковым дано было указание подготовить пять команд для того, что могут поплыть трупы. Их нужно топить. Я поясняю, что не собирать и производить захоронение, а именно топить».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 58–59)

А. И. БОРТНИКОВ: «Я лично таких указаний не давал, чтобы топить трупы».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, 60–61)

К. М. ИВАНОВ: «Никаких грузов к трупам не привязывали и с помощью грузов такие трупы в реке не топили. Мне таких фактов неизвестно».

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 117–119)

В. П. ЧЕРЕПАНОВ, бывший капитан ОТ-2010:
«Комиссар от имени Андропова Ю. В., председателя КГБ СССР, передал мне благодарность за отлично выполненную операцию... От обкома КПСС меня устно поблагодарил Бортников».
(из материалов уголовного дела № 49, т. 1, листы 77–81)

К. М. ИВАНОВ: «Могу сказать, что никаких благодарностей от имени Андропова никому не выносилось...»
(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 117–119)

А. И. БОРТНИКОВ: «Я до сих пор задаю себе вопрос, зачем туда меня посылали? В чем была моя миссия?»
(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, 60–61)

К. М. ИВАНОВ: «Кстати говоря, я до сих пор не знаю, какие именно группы людей, к какому периоду относящиеся там были захоронены».
(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 117–119)

А. И. БОРТНИКОВ: «Тогда и до настоящего времени считал и считаю, что там захоронены дезертиры».
(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, 60–61)

РЕЗЮМЕ

ЛИГАЧЕВ Е. К.: «Те работы у берега Оби проводили в общем-то порядочные люди, наши люди...»
(из «Комсомольской правды» за 24.11.90)

НЕОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Комитет государственной безопасности СССР
Управление по Новосибирской области
12 декабря 1990 года
4/11–3139 (или «4/П–3139». – прим. В. З.)

Следователю по особо важным делам Прокуратуры Новосибирской области младшему советнику юстиции тов. В. С. Абакумову г. Новосибирск

На Ваш № 18–49–п–90 от 16.10.90
направляем список лиц, осужденных к высшей мере наказания — расстрелу, приговоры в отношении которых приведены в исполнение Нарымским окротделом НКВД по Западно-Сибирскому краю в г. Колпашево.

Сведений о местах захоронения не имеется.

ОСНОВАНИЯ: акты о приведении приговора в исполнение.

ПРИЛОЖЕНИЕ: список на сорока листах на 1445 человек.

Начальник подразделения Управления

М. Л. Лукашевич

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 196)

Следователю по особо важным делам
Прокуратуры Новосибирской области
младшему советнику юстиции тов. Абакумову В. С.

На Ваш запрос сообщаем, что в УКГБ СССР по Томской области не имеется обобщенных данных о лицах, репрессированных Нарымским окротделом в 30-х – 40-х годах, в отношении которых была применена высшая мера наказания – расстрел, а впоследствии реабилитированных. Составление списков по интересующему Вас признаку требует значительного времени, так как это связано с необходимостью пересмотреть весь фонд уголовных дел, что составляет более 15.000. Архив Управления КГБ является ведомственным, и в нем предусмотрены только алфавитные картотеки по фамильного учета. Любые аналитические исследования требуют соответствующего времени и кадров. Кроме того, в уголовных делах не имеется сведений о месте приведения приговоров в исполнение, а как нам известно, часть подследственных отправлялась в г. Томск и Новосибирск и их судьба не отражена в делах. На запрос прокурора по Томской области Крутова от 06.09.90 нами был дан аналогичный ответ 20.09.90.

Начальник Управления КГБ СССР по Томской области полковник

В. А. Ремняков

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, лист 244)

Постановление о передаче дела по подследственности
Новосибирск, 2 января 1991 года.

Следователь по особо важным делам Прокуратуры Новосибирской области младший советник юстиции Абакумов В. С., рассмотрев материалы уголовного дела № 49, установил:

Настоящее дело 26.07.90 года Прокурором РСФСР по факту обнаруженного 01.05.79 года захоронения останков трупов на берегу реки в г. Колпашево Томской области. Расследование этого дела было поручено Прокуратуре Новосибирской области. В ходе следствия установлено следующее. В 1931 году в г. Колпашево на улице Дзержинского было построено двухэтажное административное здание Нарымского окротдела УНКВД с прилегающим одноэтажным зданием внутренней тюрьмы. Территория внутренней тюрьмы была огорожена деревянным забором высотой около трех метров. Здание тюрьмы имело семь

камер, куда в 30–40-е годы доставлялись арестованные из северных районов Нарымского округа. Во внутренней тюрьме приводились в исполнение приговоры лицам, осужденным решением Особого Совецания к расстрелу. Значительное число осужденных было расстреляно в период массовых репрессий в 1937–1938 годы. Трупы расстрелянных хоронили в ямах, вырытых во дворе рядом с тюрьмой. На территории никаких отметок о месте захоронения не делалось и жителям в г. Колпашево об этом захоронении ничего не было известно.

В 60-х годах река Обь изменила направление и ежегодно весенний паводок смывал часть берега, приближаясь к месту захоронения.

В 1968 году бывший начальник Управления КГБ СССР по Томской области Макогин Г. И. докладывал руководству КГБ СССР о возможности размыва рекой этого захоронения. Из г. Москвы приехала бригада специалистов и ей были приняты меры по уничтожению останков захоронения.

Приехавшие сотрудники КГБ СССР вместе с бывшим сотрудником НКВД Мериновым Б. Е. определили место и глубину захоронения. Ими были набурены в шахматном порядке скважины диаметром 60 сантиметров, в которые была залита жидкость для уничтожения останков трупов.

В 1979 году в г. Колпашево в ночь с 30 апреля на 1 мая при обрушении правого берега реки Оби, где в 30–40-е годы находилось здание окротдела НКВД обнажилась яма с останками людей. Начальник горотдела Копейко В. Н. об этом доложил начальнику Управления КГБ по Томской области Иванову К. М.

После проведения первомайской демонстрации бывший первый секретарь Томского областного комитета КПСС Лигачев и начальник Управления Иванов К. М. об обнаружившемся захоронении поставили в известность ответственных работников ЦК КПСС и КГБ СССР. Там было принято решение размывать теплоходом берег, останки трупов утопить в реке.

Операция по уничтожению захоронения проводилась силами сотрудников КГБ. На место обнаружения захоронения в г. Колпашево прибыл начальник Управления Иванов К. М., секретарь обкома КПСС Бортников А. И. Из г. Москвы прилетел генерал-майор КГБ СССР Фокин А. И. Под их руководством на месте был оцеплен район силами КГБ. Прокурору города и начальнику ГОВД было дано указание никаких проверок по обнаружению трупов из этого захоронения не проводить, захоронение трупов про<из>водить без проведения судебно-медицинского исследования на месте обнаружения. Бортниковым А. И. был собран партийно-хозяйственный актив города и сообщено, что в обнажившемся захоронении находятся расстрелянные в годы войны дезертиры. Для размыва берега сотрудниками КГБ были привлечены два теплохода. Работой винтов теплохода был подмыт яр высотой около сорока метров. Когда произошло обрушение берега были обнаружены еще две ямы. В одной находились останки людей, в другой сохранившиеся мумифицированные трупы. При размывании берега останки и мумифицированные трупы стали падать в реку. Специально организованные команды сотрудников ГОВД под руководством сотрудников КГБ на моторных лодках дежурили у теплохода, петлями из проволоки ловили неутонувшие трупы, привязывали груз, выводили на фарватер реки и топили. Часть трупов была разнесена по пойме реки Обь. До сентября месяца сотрудники КГБ ниже по течению производили обследование берега. При обнаружении трупов или останков, не проводя судебно-медицинского исследования,

производили их захоронение без обозначения места.

При расследовании установлено, что действия бывшего начальника Управления Иванова К. М. и генерал-майора КГБ СССР Фокина А. И., связанные с уничтожением захоронения репрессированных граждан в 30–40-е годы **подпадают под признаки** преступления, предусмотренного статьей 170¹ УК РСФСР.

Учитывая, что Фокин А. И. является военнослужащим, а расследование дел в отношении военнослужащих входит в компетенцию Военной Прокуратуры, поэтому, руководствуясь законом Союза Советских Социалистических Республик о Прокуратуре СССР, п. 32 «Положения о Военной Прокуратуре», постановил:

1. Уголовное дело № 49 для дальнейшего расследования передать по подследственности в Главную Военную прокуратуру.
2. О принятом решении уведомить Прокурора РСФСР.

Следователь Абакумов В. С.

(из материалов уголовного дела № 49, т. 2, листы 255–256)

ПРОКУРАТУРА
СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР
Народному депутату РСФСР
тов. А. Мананникову

ГЛАВНАЯ
ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА
20 мая 1991 г.

ПРОКУРОРУ СИБИРСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА
генерал-майору
тов. Данилову Ю. В.

№ 3–43–91
103160, Москва, К-160

Ваше письмо поступило в Главную военную прокуратуру и рассмотрено.

Сообщаю Вам, что уголовное дело по факту негласного уничтожения жертв репрессий 1937–1941 гг., обнаруженного в г. Колпашево Томской области передано для дальнейшего расследования в военную прокуратуру Сибирского военного округа.

Вопрос об ознакомлении с материалами дела **преждевременен**, поскольку предварительное следствие продолжается.

О результатах Вы будете уведомлены дополнительно по окончании следствия.

ВРИО НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА УПРАВЛЕНИЯ ГВП
полковник юстиции
В. Кондратов

(ответ на запрос российского депутата А. Мананникова)

Каждый вправе судить сам, все ли сделано и все ли сделано по совести. Придется огорчить т. Кондратова, состряпавший последнюю отписку о «преждевременности» ознакомлении с материалами дела – затея утопить дело № 49 в глубинах военной прокуратуры все-таки не удалась, все-таки удалось его перехватить – как-нибудь расскажу, как это удалось мне сделать...

Смешанные чувства испытываю я, перечитывая эти страницы. Скажем по совести: работа проделана следователем серьезная, но и очевидные ляпы налицо. **Два разных** эпизода, связанных с попытками химического уничтожения захоронения в 1965 г. и 1968 г. превратились в **один**, что совсем уж непростительно. О тех, кто дал приказ уничтожить захоронение, невнятно сказано: **там**. Статья УК РСФСР выбрана самая беззубая, но и здесь туман: действия **подпадают под признаки**. А перекрестная ложь? Почему не было очных ставок? Почему дали увернуться от запроса томское Управление КГБ? Почему не допрошены партийные чиновники П. Я. Слезко и А. Г. Мельников? К слову, последний ныне – в правящей верхушке ЦК компартии РСФСР.

Нет, не на все вопросы получены ответы.

С каждым годом в Колпашиеве все меньше остаются стариков, которые еще могут вспомнить те давние лютые годы, а вода все моет и моет берег... Щемит душа, когда думаешь, что вот так же время вымывает из нашей памяти сознание кровавого греха – на всех общего.

январь – август 1991 г.